

12+

Борис Наумов

Только Разум

Борис Наумов
Только Разум

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наумов Б. П.

Только Разум / Б. П. Наумов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-96737-3

С помощью пришельцев с планеты Гениания разгадана тайна работы человеческого мозга и передачи мыслительной энергии на расстояние. Гениальный инженер-изобретатель Одинцов разработал и создал аппарат для приёма и передачи мыслительной энергии человека на расстояние, а также для управления ею. Это позволило ему и его друзьям совершать чудеса на Земле и общаться с инопланетянами. Криминальные элементы «вышли» на создателя аппарата, захватили его и использовали в своих преступных целях.

ISBN 978-5-532-96737-3

© Наумов Б. П., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	48
Глава 13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Борис Наумов

Только Разум

Посвящаю эту повесть моим детям Евгению и Оксане а также всем внукам

События, описываемые здесь, происходили в последние годы существования страны Советов

Глава 1

Капитан милиции Гончаренко, не открывая глаз, поднял трубку трезвонившего возле изголовья кровати телефона. Было раннее утро, хотя солнце весёлыми лучиками уже заглядывало в открытое окно спальни. За короткую летнюю ночь тело не успело отдохнуть и восстановить истраченные накануне силы.

– Я слушаю, – лениво и негромко Иван Алексеевич пару слов выдохнул в трубку.

– Доброе утро, капитан. Как спалось? – прозвучал оттуда не совсем доброжелательный голос майора Маркова. Капитан, услышав его и почувствовав двусмысленность вопроса, вскочил, отбросив одеяло в сторону. Трубка, прижатая к уху, потянула за собой телефонный аппарат, который с шумом упал на пол.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Что там у тебя за грохот? – услышав звуки упавшего аппарата, спросил Марков.

– Да вот телефон упал, товарищ майор, – поднимая аппарат и не отнимая от уха трубку, ответил капитан.

– Это не к добру, Иван Алексеевич, – не развивая далее предисловия, майор продолжал. – Поступили сведения, что в районе села Богачёво, в лесу, местные жители видели незнакомого человека. По описаниям, это может быть наш беглец. Вам срочно надо выезжать туда. Дорога займёт часа полтора-два. Там сориентируетесь, зайдёте к председателю, поспрашиваете его. Может быть, что-нибудь местные жители вам подскажут: куда идти, какой дорогой. Без машины с нашим верным другом прогуляетесь по лесу.

– Понял, товарищ майор, – окончательно стряхнув последние следы сонливости, ответил Иван Алексеевич.

– Будьте внимательны и осторожны. Он хитёр и умён, может быть вооружён.

– Хорошо, товарищ майор.

– Выезжайте немедленно. Если он в тех краях скрывается, лучше его брать с утра, пока он не наделал там бед.

– Сначала его надо найти, товарищ майор, а уж потом брать.

– Ты сообразительный, капитан. Так и действуйте. Надежда на нашего Дружка. Он уж его не упустит, нюх у него «собачий».

Майор «отключился», а Иван Алексеевич ещё несколько секунд стоял в трусах, держа в руках телефонную трубку.

«Снова просыпаться сквозь дебри, – думал он. – Уже не первый сигнал поступает от сельских жителей. Только не удаётся пока встретиться с этим «хитрым умником».

Капитан милиции Гончаренко Иван Алексеевич со своим напарником лейтенантом Кравчуком по приказу начальства последние дни прочёсывал близлежащие сёла и опрашивал местных жителей. Вместе с ними был их верный друг и помощник пёс по кличке Дружок. Иногда они оставляли машину в селе и заходили в лес в поисках следов, которые мог оставить сбежавший из тюрьмы рецидивист Николай Лютый.

Через полчаса Иван Алексеевич вместе с лейтенантом и Дружком выехали из города и направились в сторону села Богачёво. Уставшие лица обоих милиционеров выражали недовольство и покорность. Делать было нечего – надо приказ выполнять. Было начало восьмого, утреннее летнее солнце уже ласково припекало, обещая быть хорошему, тёплому дню.

– Ну, что Дружок, найдём сегодня беглеца? – спросил капитан у своего четвероногого спутника.

– Он тебе, Ваня, сейчас всю правду скажет, – скептически с оттенком недовольства вместо Дружка ответил лейтенант Кравчук. А верный помощник, словно почувствовав, что речь

идёт о нём, посмотрел сначала на капитана, потом на лейтенанта. В его взгляде просматривался упрёк за явный скепсис в словах лейтенанта и надежда на удачную сегодняшнюю поездку.

Не сговариваясь, капитан и лейтенант, глядя на Дружка, громко расхохотались. Сонливость окончательно покинула милиционеров, и они более уверенно стали смотреть на перспективу очередной вылазки.

Дорога была пустынная, и машина быстро неслась к назначенному месту. Улица села Богачёва до сих пор оставалась безлюдной, а Сельский Совет по причине раннего времени ещё не открывался.

– Не будем ждать появления председателя, – высказал своё решение капитан, – пойдём сразу прогуляемся по утреннему лесу.

– Раньше начнём – раньше и закончим, – согласился Кравчук с предложением капитана. – Мне кажется, вряд ли беглец будет по лесу

шастать. Логично было бы для него затеряться где-нибудь среди толпы в большом городе.

– Да, это так, лейтенант, но приказ надо выполнять. Тем более, что в такое утро погулять по лесу – одно удовольствие и наслаждение.

Оставив машину у крыльца Сельского Совета, милиционеры пошли в сторону леса. Дружок сначала рыскал по сторонам улицы, потом, видимо, поняв намерения хозяев, выбежал на лесную дорогу.

Дурманивший аромат лесной травы и цветов стоял в воздухе, заставляя с наслаждением дышать полной грудью.

– Ох, хорошо-то как, Иван Алексеевич, – закрыв глаза, прошептал лейтенант, когда они углубились в лес. – Давай полежим в травке, помечтаем.

– Да-а-а, отвыкли мы там, в городе, от прелестей природы, – согласился капитан Гончаренко, – только и видим асфальт и кирпичи, да копаемся в дерьме преступной жизни.

Лейтенант не стал продолжать словесные восхищения и только, молча, шагал по лесной тропинке. Дружок бежал впереди, изредка останавливаясь, чтобы убедиться в правильности выбора пути и в присутствии рядом хозяина.

Тропинка как-то незаметно растворилась в траве, заставляя троицу останавливаться и принимать решение о дальнейшем своём продвижении.

– Мы не заблудимся здесь, Ваня? – оглядываясь по сторонам, спросил лейтенант.

– Будем ориентироваться по солнцу и по запаху, – ответил тот.

– Это как? Будем приноживаться?

– И приноживаться, и прислушиваться, и присматриваться.

– Какой умный ты, капитан. Не зря тебе в прошлом году звёздочку кинули.

Дружок, не понимая замысла хозяев, не хотел больше показывать им дорогу и покорно плёлся сзади, изредка их догоняя.

Птичьи голоса со всех сторон услаждали слух ходяков и создавали впечатление райской, безмятежной обстановки.

Уже более часа друзья, не видя дороги или хотя бы тропинки, топтали нехоженую, лесную траву. Сучья потрескивали под ногами, идти становилось труднее.

– Ну и что мы с тобой здесь выходим? – недовольно произнёс Кравчук.

– Погуляем ещё немного и будем возвращаться, – ответил капитан. – Зато совесть наша будет чиста и приказ начальства выполним.

– Да мы ж можем просто посидеть здесь на полянке и с той же самой чистой совестью вернуться обратно.

– Можно и так сделать, – согласился Гончаренко, – давай, располагайся здесь на травке.

Расслабив подуставшие ноги, капитан Гончаренко и лейтенант Кравчук растянулись на пахучей лесной траве. Дальше идти не хотелось – не имело никакого смысла. Дружок, положив мордочку на плечо капитана, с благодарностью смотрел на хозяина.

Прошло минут двадцать-тридцать, как идиллия лесного отдыха и планы милиционеров были нарушены.

Трудно представить себе такое фантастическое совпадение событий, но случилось то, что случилось.

В том же лесу и этим же утром происходили другие необычные явления, которые сначала не были связаны между собой, но потом явились основой дальнейших фантастических происшествий.

Глава 2

Из небольшой палатки, одиноко стоящей на опушке леса, выполз человек. Он поднялся на ноги, потянулся, сделал два резких наклона вперёд.

Было раннее утро, дышалось легко.

Анастас Одинцов – так его звали – был достаточно молод. Ему недавно исполнилось двадцать пять лет, но выглядел он и того моложе. При среднем росте и нескладной фигуре в нём сохранилось много мальчишеского. Глубоко посаженные глаза под слабо выраженными бровями казались несколько печальными. При этом он имел живой характер и совершенно трезвый ум.

Накинув на плечи курточку, Анастас взял лёгкую, плетёную сумку и быстрым движением сунул туда два листа белой бумаги, карандаши и краски. В этом состояло его постоянное снаряжение. Сверху он положил недоеденный вчера бутерброд и плоскую пластмассовую фляжку.

. Как всегда по утрам, у Одинцова было хорошее настроение. Он обычно просыпался с каким-то необъяснимым чувством радости и ощущения своего здоровья.

Не спеша, шёл он по лесной тропинке, насвистывая незатейливую мелодию. Осталась позади сосновая посадка и подступивший тёмный лес принял Анастаса в свои объятия. Среди могучих дубов и раскидистых лип было много кустарника. Встречались небольшие поляны, усыпанные малиной.

Анастас любил этот лес и бродил по нему с удовольствием. Грибов здесь почти не было, да Анастас и не считал себя заядлым грибником, у него была другая, временами бурно разгорающаяся, всепоглощающая страсть. Он любил рисовать. Любил давно и беззаветно. Но всю свою жизнь он рисовал только лес, лес дремучий, богатый или лес веселый, светлый, и на всех его картинах была изображена какая-нибудь живность. Ему не часто удавалось увидеть в лесу белку или зайца, но свою картину считал незавершённой, если её не украшало живое существо.

Вчера он был в этих местах, обнаружил хороший объект для работы, но рисовать не стал. Был уже вечер, краски в лесу померкли, и поляна покрылась длинными тенями в лучах заходящего солнца.

И вот теперь цель близка. Одинцов вышел к поляне, когда солнце уже осветило верхушки деревьев. Он и рассчитывал прибыть сюда в тот момент,

когда позолоченные ласковыми утренними лучами деревья оживут в своей трепещущей зелёной красе и силе.

Но выйдя к опушке, он не узнал той, выбранной вчера, поляны. Молодой кустарник был покрыт серой пеленой. Листья поникли и имели вид свернутых трубочек тёмно-зеленого цвета. При полном безветрии они мелко дрожали. Не было слышно утренних птичек, в воздухе стоял едва различимый, монотонный шум. Он проникал сквозь поры тела и ощущался всем организмом. Анастас приложил руки к вискам и закрыл глаза. Через минуту он, медленно приоткрыв веки, снова посмотрел на ту поляну, которую выбрал в качестве очередной художественной мастерской. Нет, это совсем другое зрелище. Ничего похожего на вчерашнее. Как будто, кто-то горячим дыханьем подсушил зелёные листочки, и они завяли, потеряв свой нежный, зелёный цвет. Несмотря на утреннюю ясность своего сознания, Анастас не мог отчетливо понять, в чем причина происшедших перемен. Он не сознавал также и существа этих изменений, а понял только одно – за ночь здесь что-то произошло. Но что это? Может быть, горячий сухой пронос над поляной, или саранча налетела? Нет, это, слишком невероятные предположения.

Монотонный шум, словно журчанье ручья, Анастас ощущал непрерывно. Что это за шум? Откуда он? Определить невозможно. Одинцов закрыл уши ладонями, а шум не только не прекратился, но даже и не уменьшился.

Анастас сделал несколько шагов вперёд и остановился. Лёгкий журчащий шум стал сильнее. Ещё мгновение и Одинцов впал в состояние, похожее на лёгкую дремоту. Временами было полное отсутствие восприятий окружающего, а сознание то обрывалось, то появлялось вновь. Чередования происходили периодически и пугали своей неотвратимостью.

Анастас опустил колени на землю, постоял минуту, потом, медленно сел в траву и прислонился головой к стволу дерева. Эта смена положения несколько нарушила шумовые колебания, воспринимаемые мозгом, и он не то потерял сознание, не то окончательно погрузился в сон.

Глава 3

И почти в то же самое время по счастливой случайности или в силу какой-то необъяснимой пока закономерности происходили такие же самые странные события, о каких упоминалось ранее, только с другим человеком – Серёжей Умаровым. Прежде, чем их описывать, нелишне вернуться на несколько месяцев назад, чтобы проследить цепочку тех обычных, рядовых явлений, которые предопределили возможность свершения упомянутых и впредь происходящих событий.

Серёжа Умаров – обыкновенный мальчишка, школьник, с присущими ему мальчишескими чертами и школьными заботами. У него есть близнец брат Вова, такой же рядовой, ничем не выдающийся в школьной среде мальчик.

Перед окончанием учебного года Вова категорически заявил:

– Мама, я в этом году не поеду к бабушке – мне хочется в лагерь, отдохнуть вместе с ребятами из нашего класса.

– Я тоже хочу в лагерь, – поддержал его Серёжа и тут же добавил, – но мне и бабушку жалко, ведь она ждёт нас.

– Вы и сами не знаете, чего вам больше хочется, – сказала мама. – Я не против того, чтобы вы поехали в лагерь, но ведь бабушка очень больна и мы ей обещали приехать на лето. Как же быть с обещаньем?

– А мы сначала поедem в деревню, потом – в лагерь, или наоборот, тогда всем будет хорошо: и нам и бабушке, – предложил Серёжа.

– Ну ладно, – согласилась мама, – вы подумайте, а когда приедет отец из командировки, мы обсудим этот вопрос все вместе и решим, что делать.

Ребята приняли предложение мамы.

Вова и Серёжа Умаровы заканчивали пятый класс. Они, как уже было сказано, были близнецами и, как многие близнецы, похожими друг на друга, словно две капли воды. Несмотря на то, что многие ребята в классе знали их с первого школьного урока, они с трудом различали братьев и часто их путали, попадая в смешные истории. Близнецы – братья сначала не замечали такие ошибки, потом сердились на них, а позже, в четвертом и, особенно в пятом классах, сами создавали соответствующие ситуации. Это не только доставляло им удовольствие, но иногда приносило некоторую пользу.

Через три дня приехал отец, он был очень весел и доволен – видно командировка прошла успешно. Папа всегда был веселый, когда у него всё получалось, и ходил хмурый, если что-нибудь не ладилось. В такое время Серёжа и Вова старались к нему не подходить со своими делами. Они знали, что папе лучше не мешать.

А сегодня можно. И как только отец разделся, умылся, вручил всем маленькие подарки, Вова немедленно решил приступить к делу.

– Папа, мы летом поедem отдыхать в лагерь, а не к бабушке.

– А что говорит мама на этот счёт? – спросил папа. – Она не возражает?

– Нет, не возражает, – попытался Вова сразу покончить с этим вопросом.

– Она не возражает, но сказала, что окончательно мы это решим вместе с тобой, – уточнил Серёжа.

– Ну, вот видите – решим вместе. А ты, Вовочка, уже заявляешь: не поеду и всё тут.

– Папа, в лагере очень хорошо, и ребята из нашего класса едут, – не отступал Володя.

– А к бабушке ты совсем не хочешь ехать? Ведь мы обещали ей.

– Мы половину лета будем у бабушки, а половину — в лагере.

– Позови, Серёжа, маму. Мы сейчас это обсудим, – предложил папа.

Вскоре было принято решение: сначала поехать в деревню, а потом – в лагерь.

Путёвки были приобретены заранее. Все были довольны...

Вот оно долгожданное лето. Пришло. Учёба закончена, а впереди целых три месяца без уроков и без домашних заданий.

...Бабушка радовалась, увидев своих внучат. Может быть, в последний раз. Она уже старенькая и часто болеет. Всю свою жизнь провела в деревне, с детских лет трудилась на земле и не знала отдыха. Только последние два – три года бабушка не могла работать. Руки её совсем ослабли, пальцы не слушались – долгие годы деревенского труда забрали все силы. Старик умер несколько лет тому назад, и она в одиночестве доживала свои годы. Старшие её сын и дочка обзавелись семьями и жили в городе. Второй сын – младшенький – как она говорила, со своей женой и тремя детьми остался в этой же деревне и помогал матери по хозяйству. На его просьбы, перейти к нему жить, бабушка отвечала:

– В этом доме я родилась, прожила жизнь и здесь хочу дожить оставшиеся дни.

Больше всех она любила детей своей дочери, и приезд Вовы и Серёжи был для неё самым большим счастьем.

Братья с удовольствием проводили время в деревне. Последние дождливые дни июля не испортили ребятам настроенья – они очень любили купаться и, только что научившиеся плавать, готовы были в любую погоду бултыхаться в речке. И надо же было так случиться: перед самым отъездом Серёжа простудился и с высокой температурой лежал на бабушкиной кровати. Бабушка очень переживала за него и не отходила от постели ни на минуту.

Вера Никифоровна, мама Вовы и Серёжи, приехала за детьми, чтобы отвезти их в лагерь. Путёвки били на август месяц, а тут такая неприятность: Серёжа кашляет, с постели не встаёт. Что делать? Надо ехать в лагерь, а бабушка уговаривает маму, не отпускает Серёжу.

– Ну как можно, Вера, в таком виде везти ребенка? Ведь он больной ещё, ему несколько дней надо полежать дома. Пусть Вовочка уезжает с тобой, а Серёжа отлежится у меня, потом, если захотите, приедете за ним. А не приедете, так он у меня поживёт до конца лета. Лагерь ваш не убежит, в следующем году Серёжа туда поедет.

Серёже не хотелось оставаться без брата, но мама, кажется, согласилась с бабушкой и готовилась к отъезду.

– Серёженька, родной, ты полежишь здесь несколько дней, а потом я приеду за тобой.

– Я не хочу без Вовы оставаться, – настаивал Серёжа, – мне здесь будет скучно.

– Но ведь с тобой остаётся собачка. И ребята, с которыми ты подружился, будут приходить к тебе.

– Всё равно мне будет скучно.

– Что же делать, сынок? Тебе нельзя сейчас ехать в лагерь. Вот и бабушка говорит. Ты там совсем сляжешь.

После долгих разговоров мама с Вовой уехали, а Серёжа со своим Тузиком, которого они каждый год привозили к бабушке, остался в деревне.

Прошла неделя. Папа снова уехал в командировку, а мама не смогла приехать за Серёжей. Он уже был здоров и ждал её.

Тем временем шел август, солнце опять щедро отпускало тепло на политую дождями землю. Она была мягкая, ласковая, душистая. Пчёлы собирали нектар, запасаясь на зиму, и разноцветные бабочки порхали над зелёными травами.

Серёжа в компании деревенских мальчишек снова целыми днями пропадал на речке: они купались, играли в футбол или другие мальчишеские игры. Серёже пришлось смириться с выпавшей на его долю судьбой.

Однажды, воскресным утром Серёжа вместе с Тузиком, по приглашению Юрки, соседского мальчишки, собрался в лес за грибами. Инициатором этого похода был Юркин папа.

– Мы далеко не будем ходить, – говорил по дороге дядя Толя. – Я знаю грибные места здесь рядом. И грибов там – тьма.

Дядя Толя – бывший моряк. Он всегда говорил коротко и ясно, не любил длинных предложений.

– Договоримся так: в лесу расходимся в разные стороны. Идём параллельным курсом. Всё время держать друг друга в виду! Понятно?

– Понятно.

– Ну а если случится такое, что кто-то отстанет – не паниковать! Здесь все дороги ведут к дому. Идти надо против солнца. Тоже понятно?

– Тоже все ясно, – подтвердили ребята.

Сначала они шли по дороге. Тузику почему-то не нравилась такая ходьба, и он забегал то справа, то слева, отмечая на деревьях путь своими собачьими отметками. Спустя полчаса, дядя Толя сказал:

– Вот мы и пришли. Пять минут отдыхаем – и по грибы!

Они ушли недалеко от своей деревни, и Серёжа прекрасно запомнил дорогу. Конечно, если бы пришлось ему назад одному возвращаться, он не заблудился бы и без отметок Тузика.

Когда дядя Толя скомандовал: «пошли», все поднялись и свернули с дороги вправо. Серёжа пошел маршрутом ближе к дороге, Юрка чуть правее его, а дядя Толя ещё дальше. Тузик не выбрал себе никакого маршрута, он бегал то к Юрке, то к Серёже. Ничего не понимает в грибах!

Сначала попадались только красные сыроежки. Их было много – и маленькие и чуть больше, и совсем большие с сухими шляпками. Дядя Толя сказал, что лучшие грибы – это белые, только их и надо собирать. А сыроежки оставались нетронутыми.

Но белых грибов почему-то попадалось немного. Серёжа срезал всего пять штук, Юрка – на два больше. Ребята шли недалеко друг от друга, и всё время были в курсе дел своего соседа.

– Юрка, давай сыроежки собирать, – предложил Серёжа.

– Нет, не надо, – отклонил предложение Юрка, – папа не велел их брать.

– А белых грибов мало. Ты сколько нашёл?

– Восемь, – пересчитав в корзине свою добычу, сообщил Юрка. – А ты сколько?

– А я всего пять.

– Не бойся, Серёга, мы ещё найдем грибную поляну, – успокоил друга Юрка.

– А где она?

– Иди, иди, иди и найдёшь. Папа! Папа! – закричал Юрка.

– У-у-у, – донеслось справа. Отец был совсем рядом и, прикрыв рот ладонями, изобразил голос издалека.

– У тебя много грибов?

– Сколько есть – все мои, – ответил тот.

– А у меня восемь, – сообщил ему Юрка.

Тузику надоело бегать по лесу, и он плёлся вслед за Серёжей

Дальше грибов стало попадаться больше. Серёжа так увлёкся их сбором, что не заметил, как потерял из виду своего друга.

Всё время тот шёл справа, а теперь его нет. Наверно ушёл вперёд. Серёжа хотел крикнуть, но тут снова увидел гриб и вот еще два гриба. В такое время не до крика. Целое семейство белых грибов нашёл Серёжа. Все они молодые, крепкие, красивые.

Когда Серёжа срезал все грибы на этой поляне, он поднялся, посмотрел вглубь леса и, никого не увидев, начал кричать. Ответа не было.

«Ну, Юрка! Наверно, тоже нашел поляну, да не хочет отзываться, – подумал Серёжа и пошёл дальше.

Лес был густой, и грибов в нём стало попадаться меньше. На все крики Серёжи никто не отвечал. Он понял, что потерялся, отстал от Юрки с папой. Только Тузик всё также преданно шёл следом за ним, как бы выражая этим – не бойся, мол, я с тобой.

Серёжа не испугался. Он знал, что если ему придется идти домой одному, то он пойдёт сначала влево, найдёт дорогу и потом по ней – навстречу солнцу. Напутствие дяди Толи, сказанное полусерьёзно, он помнил хорошо.

Прошло ещё некоторое время, корзина у Серёжи наполнилась почти доверху. Ему уже больше не хотелось собирать грибы. Хоть он и не испугался, но была какая-то внутренняя тревога, которую он ещё не осознал.

– Ну что, Тузик, потерялись мы с тобой? – обратился он к своему другу. Тот взвизгнул и, ласкаясь, завил хвостом.

– Не бойся, не пропадем, – успокоил его Серёжа, тем самым успокаивая себя. – Сейчас отдохнем, потом пойдём туда, к дороге, и по ней навстречу солнцу.

Серёжа сел на, лежащий на земле, ствол дерева, поставив корзину рядом. Тузик улегся у его ног, положив мордочку на ботинок, и сразу же закрыл глаза. Ему было так хорошо: хозяин рядом – можно вздремнуть.

Посидев несколько минут, Серёжа дёрнул собаку за ухо.

– Идем, Тузик. Надо искать дорогу домой.

Он быстрым шагом пошёл в том направлении, где, как он считал, должна находиться дорога. Он и теперь не боялся и верил в то, что дом где-то недалеко. Тузик то бежал за ним, то стремительно вырывался вперёд.

Прошёл почти час, Серёжа всё шёл и шёл, а дороги не было.

И тут всё началось...

Серёжа на фоне лесного шума – слабого шелеста листьев и нежных звуков птичьего щебета – услышал звук, похожий на журчанье ручья. Этот звук был повсюду: сверху, снизу, сзади, спереди. Серёжа слышал, но источника звука найти не мог. Может быть, это кровь шумит в висках?

Он помнил, как в прошлом году случилось ему угореть в деревенской бане. Баня была старенькая, как и сама бабушка, и отапливалась «по-чёрному». Таких бань во всей деревне осталось одна-две, не больше, а бабушка другую не хотела. Если в такой бане угарный газ не успеет выветриться, то туда лучше не заходить.

И Серёжа испытал на себе действие этого газа. По недосмотру бабушки. Вот тогда он почувствовал давление в висках и шум в голове.

Но здесь-то не баня, угарного газа нет!

Временами шум становился тише, потом снова нарастал и слышался ближе, сильнее. В голове у Серёжи была полнейшая путаница: то он мыслил ясно и чётко, то не мог сосредоточиться на чём-то одном. В минуты просветления он начинал более глубоко осознавать своё положение заблудившегося, отчетливее воспринимать всё окружающее.

Впереди, между деревьями показался просвет. Серёжа думал, что это дорога, и быстро направился к ней. Но дороги не было, он вышел на поляну.

Шум в голове стал настолько различим, что от него нельзя было избавиться. Серёжа остановился, бережно, точно боясь рассыпать грибы, поставил корзину на землю и начал осматриваться по сторонам. Тузик был рядом и тихо, но непрерывно, скулил. Он сначала прижимался к Серёже, потом отошёл в сторону и улёгся на землю.

Что-то серое, расплывчатое, словно дождевое облако, только совсем близкое, висело над небольшой поляной. «Облако» почти полностью её закрывало. По краям оно было прозрачное и не имело очерченных границ. В центре заметно некоторое сгущение, но нельзя было различить или хотя бы предположить границы и форму этого облака. Серёжа широко открытыми глазами смотрел вперёд и не мог понять, видит ли он что-нибудь. Может быть, это туман или туча мелких насекомых?

Серёжа стоял возле дерева и вдруг услышал голос. Нет, это был не голос, это была какая-то чужая мысль, рождающаяся у него в голове.

– Я встретил тебя, малыш и рад этому. Я хотел и искал такой встречи. Теперь мы будем друзьями. – Эти слова не были произнесены голосом, но были чёткими и ясными. Серёжа не понял, откуда слышится голос. Он посмотрел по сторонам и, никого не увидев, удивился ещё более.

На фоне журчащего шума снова послышались слова:

– Ты меня не видишь пока и не знаешь, кто я такой, но скоро ты всё поймешь и, я надеюсь, ты не откажешься от моей дружбы. Скажи, как тебя я могу называть?

– Серёжа. Я Серёжа Умаров, – неуверенно ответил неизвестному собеседнику Серёжа. Но тот его перебил:

– Нет, нет, не сопровождай свои мысли звуком. Ты только подумай, а я тебя пойму.

– Кто ты такой? Покажись мне, – опять робко произнес Серёжа. А Тузик в это время поднялся и, наострив уши, как бы прислушивался к тому, что кому-то говорит Серёжа. Ведь, кроме него, Тузика, рядом никого нет. Но смотрел он не на Серёжу, а туда, в сторону серого облака.

– Я рядом с тобой, Серёжа, но для тебя невидим. Я прибыл сюда с другой планеты и скажу тебе, что, в некотором роде, я тоже мальчик. Только я не похож на тебя. У меня нет тела.

– Тогда что же ты такое? – удивился Серёжа, – Как можно жить без тела?

– Я только мысль. А точнее – сконцентрированная энергия мысли.

– Не понимаю, как это может быть.

– Не надо, не старайся сейчас понять, Серёжа. Со временем ты всё узнаешь. Давай лучше поиграем.

– Э-э...—Серёжа не нашёл слов для ответа на такое предложение. Он вдруг схватился за голову и закрыл глаза.

– Что с тобой, Серёжа? Я вижу тебе плохо.

– Голова,– произнёс он медленно, – голова раскалывается.

– Я понял, Серёжа, тебе вредно долго находиться со мной в контакте. Иди домой, а завтра приходи сюда же.

Это были последние слова, которые Серёжа слышал и понимал. Потом всё, вдруг, закружилось: синее небо, деревья, земля смешались в единую серую массу, и мальчик, потеряв сознание, упал в траву. Тузик своим собачьим умом понял, что его хозяин попал в беду. Он стал кружиться вокруг Сергея и громко лаять, словно пытался разбудить его, привести в сознание.

Доносившийся издали голос Тузика первым услышал Дружок. Он вскочил, напрягся и сначала урчаньем, потом громким лаем, отреагировал на тревожный призыв Тузика.

Капитан Гончаренко и лейтенант Кравчук сразу поняли, что Дружок поднимает тревогу не зря.

– Тихо, тихо, Дружок, – попытался успокоить четвероного помощника Кравчук. Он сначала взял его за холку, потом погладил, приговаривая, – не шуми, Дружок, не шуми.

– Что-то здесь не так,– высказал предположение Гончаренко. – Он не будет зря поднимать такой переполох.

– Думаю, в этом есть нечто подозрительное.

Дружок, тем временем, продолжая лаем отвечать на тревогу Тузика, начал делать невразумительные движения перед молча стоявшими милиционерами. Он отбежал на десять-двенадцать метров в сторону доносившегося лая Тузика, потом возвращался на место и снова повторял свои призывные движения.

Кравчук и Гончаренко тоже стали различать в тишине далёкий собачий лай и понимать метания Дружка.

– Услышал своего деревенского сородича? Хочешь познакомиться? – спокойно прокомментировал Кравчук поведение Дружка.

– Надо проверить. Здесь что-то не так, – Гончаренко почувствовал в поведении Дружка тревогу, а не совсем обычную собачью солидарность. – Осторожненько будем выдвигаться в ту сторону. Здесь может случиться что-то неожиданное.

– Ты думаешь, это может быть связано с нашим заданием? – Ещё не осознавая сущности происходящего, высказал сомнение Кравчук.

– Не знаю, не знаю, не знаю, – тихо ответил Гончаренко, – но нам надо быть осторожными. Медленно ступая по лесной траве и сучьям, они пошли вслед за бежавшим впереди Дружком.

Через несколько минут они вышли на небольшую полянку, по которой с лаем кружился встревоженный пёс. Дружок подскочил к нему и обнюхиванием пытался его успокоить.

Подойдя ближе, милиционеры увидели лежащего без движения мальчика.

– Он мёртв, – поспешил сделать выводы Кравчук.

– Нет, дышит, – возразил ему более внимательный капитан. Он тихонько ладошкой похлопал по лицу мальчика, произнося при этом, – ты живой? Очнись, мальчик. Ты меня слышишь?

Серёжа, приоткрыв глаза, долго смотрел на склонившихся над ним милиционеров. Он не сразу сообразил, где он и что с ним происходит. Только, увидев Тузика, радостно повизгивающего у его ног, и почувствовав остаточное слабое шумовое давление в голове, он вспомнил недавнюю встречу и мысленный разговор.

– Слава богу, живой, – вздохнул, не верующий в бога Кравчук. – Что с тобой? Что ты здесь делаешь? Как ты оказался в лесу?

– Я? – произнёс первое слово Серёжа, – за грибами пришёл. Вот.

Он указал на стоявшую в сторонке корзину с грибами.

– Это мы видим, – Гончаренко внимательно смотрел по сторонам. Он ещё опасался, нет ли рядом сбежавшего из тюрьмы Лютого. – Ты один пошёл за грибами? Что случилось с тобой?

– Нет, я был не один, но мы потерялись.

– Почему ты лежал? Тебе стало плохо?

– Да, я очень устал и прилёг отдохнуть.

– Ничего себе, отдохнул. Ты же спал мертвецким сном. – Кравчук был доволен встречей, которая даст возможность отвести мальчика домой, и тем самым, прекратить их с Гончаренко бесполезные хождения по лесу.

– Как тебя звать? – спросил капитан.

– Серёжа.

– Ты из Богачёва?

– Да, там живёт моя бабушка. Я у неё отдыхаю.

– Понятно. Ты, Серёжа, никого не встречал здесь чужих? Не деревенских?

– Да я и не знаю их, деревенских. Но я никого не встречал—не хотел говорить Серёжа о встрече с инопланетянином.

– Ты можешь дойти до дому?

– Могу.

– Мы тебя проводим, – быстро отреагировал на ситуацию Кравчук, хотя он и сам не очень чётко представлял обратную дорогу.

Прошло не более часа, когда Серёжа с полной корзиной грибов был уже дома, а через некоторое время появился и Юрка с отцом.

Майор Гончаренко и лейтенант Кравчук ещё долго ходили по селу, беседуя сначала с председателем Совета, потом с некоторыми жителями. Никто из них не мог что-либо конкретное сказать о появлении в самом селе или в окрестных лесах чужого, незнакомого человека. Но появление в их мирном, спокойном населённом пункте двух милиционеров с собакой, их загадочные расспросы о незнакомце вызвали тревогу и возбуждали в головах недоверчивых,

но рассудительных селян, разные предположения. При этом, они не могли подумать о тех загадочных и страшных событиях, которые вскоре будут происходить в их округе.

Глава 4

Когда Анастас проснулся, он с трудом стал вспоминать, где находится и что с ним произошло. В голове у него был настоящий ералаш. Всё перемешалось и перепуталось. Ни одной ясной мысли, никакого конкретного предположения.

Прислонившись к дереву, он сидел с закрытыми глазами. Вспоминалась работа, товарищи, последняя его машина.

...Анастас работал в одном научном учреждении, занимающемся проблемами прикладной медицины, разработкой новейших методов лечения. Пришёл он туда четыре года назад и сразу получил известность среди своих коллег. Дело в том, что кроме уже отмеченного художественного хобби, у него было ещё одно, не менее страстное, но более полезное, увлечение. Он был изобретателем, всегда что-то придумывал, сам делал чертежи и любил исполнять задуманное в металле. Эта страсть пришла к нему давно. Будучи учеником девятого класса, он увлекся фантастикой, прочитал много книг, начал сам придумывать разные устройства. Сначала у него было желание сделать машину времени, потом устройство для чтения чужих мыслей, затем машину, воздействующую на характер, психику человека. И, конечно же, не имея специальной подготовки и берясь в одиночку за такие сложные задачи, он не смог довести до конца ни одного из своих начинаний. Эти увлечения толкнули его в медицинский институт, который он успешно закончил, не потеряв интереса к изобретательству.

Придя в научное учреждение молодым специалистом, Одинцов рассчитывал осуществить здесь свои изобретательские замыслы и, надо признать, он с завидным упорством пытался претворять в жизнь свои идеи. Некоторые из его задумок совпали с непосредственной тематикой института, а другими он продолжал заниматься в свободное время. Близкие друзья и сотрудники над ним добродушно посмеивались и называли его «Ананас».

– Ананас делает летающий таз, а по-научному «летающую тарелку», – говорили товарищи по работе, если они отвечали на вопрос человека, менее посвящённого в его дела.

Анастасом его назвал отец в честь любимого дедушки, маминого отца, трагически погибшего перед самым рождением будущего Анастаса. В школе и в институте его звали Стасиком и никаких других толкований это имя не вызывало. А вот здесь, на работе он получил созвучное прозвище «Ананас».

Последняя «машина» для лечения опухолевых болезней была почти готова. Оставалось совсем немного – проверить «машину» в действии. Будет ли она работать и какова её эффективность? Этот вопрос мучил Анастаса более всего.

...И вот теперь здесь, в лесу, в голове Анастаса, в его возбуждённом мозгу, при его, казалось бы, полуобморочном состоянии, одна за другой представились все его машины, которыми он занимался. Иногда он видел их недостатки и понимал, что надо в них переделать и как доработать. Но всё это происходило неосознанно, помимо его воли. Наряду с этим всплывали в памяти и чередовались между собой эпизоды детства, чем-то примечательные и рядовые, давно забытые. Странные зигзаги памяти привели его в самые ранние детские годы.

...Были живы ещё мама и папа, и Анастас вновь переживал счастливые мгновенья. Эти ощущения были настолько сильными и яркими, что вряд ли в те далекие годы Анастас чувствовал себя счастливым ребенком более, чем теперь.

– Стасик, смотри, что тебе папа принес, – позвала сына мама, – это тебе на день рождения.

Пятилетний Анастас влетел в комнату и с раскрытым ртом остановился у порога. Папа держал на коленях шапку, а в ней..., смешно поворачивая острым носиком в разные стороны, копошился настоящий ёж.

Анастас никогда не говорил родителям о своём желании иметь ежа, но каждый раз, как попадал в зоопарк, он подолгу, с горящими глазами простаивал у клетки с ежами.

– Нравится, сынок? – спросил отец, протягивая шапку с драгоценным грузом.

– Да-а, – только и смог вымолвить Стасик.

Он бережно принял шапку, тут же удалился в свой уголок и долго там оставался отрешённым от мира и видевшим только забавного, прелестного ёжика. И обедать Стасик пошёл только после того, как накормил и напоил своего любимца.

Играясь с ежом и обучив его нехитрым приёмам, мальчик сам становился существом, ему подобным, и мысленно переносился в лесные дебри. Он там жил, разговаривал с ежами на их языке, забирался в глубокие норки.

Не больше года прожил ёжик у маленького, заботливого хозяина и однажды под вечер как-то странно забился в угол под корзиной и не хотел оттуда выходить. Стасик его звал, выманивал кусочком яблока, которое ёжик очень любил, потом пытался вытащить его оттуда, но успеха не добился. Ёжик лежал, изредка вздрагивая, и не поддавался ни на какие соблазны.

Целых три дня Стасик не отходил от неподвижно лежащего зверька, сам почти перестал принимать пищу, и во сне звал своего заболевшего непонятной болезнью друга. Мама с папой, как могли, утешали сына и помогали ему развеселить, вылечить ежа, но, то и другое делали безуспешно.

Беззвучно плакал маленький Стасик над своим умершим другом. Крупные слёзы текли по щекам, капали на рубашку и Стасик не пытался вытереть или скрыть их от посторонних.

А когда папа хотел закопать неподвижное тельце в углу двора, Стасик схватил за руку отца и тихо сказал:

– Отвезём его, папа, в лес.

Эту поездку помнил Стасик всю жизнь. Другого ежа он заводить не хотел, как ни упрашивал его отец. А лес так и остался в памяти Анастаса местом, где захоронена частичка его сердца, где всегда у него проявлялись возвышенные чувства. Наряду с этим, в глубине души, он всегда ощущал некоторые оттенки грусти и печали.

Несколькими годами позже, когда отец уже умер на операционном столе в результате внезапной остановки сердца, Анастас вместе с матерью выезжал за пределы города. Его мать, Татьяна Анастасовна была прелестной женщиной. Моложава и стройна, она и после тяжёлого горя, свалившегося на неё, выглядела привлекательно, современно. По долгу своей деятельности она часто бывала в маленьких городах и деревнях. Там её знали, уважали, ценили.

В одной из таких поездок четырнадцатилетний Анастас сопровождал мать и был горд за неё, за её отношение к людям и за их любовь к ней. И хотя он выглядел совсем мальчишкой, старался тяжёлые, мужские заботы брать на себя. Татьяна Анастасовна при этом улыбалась и ласково гладила его по голове.

– Помощничек ты мой дорогой, – говорила она, – вот бы твой папа посмотрел на тебя!

И после этого замолкала, думая свои женские думы.

Случилось так, что во время пребывания в одной деревне им пришлось быть свидетелями страшного несчастья. И не только свидетелями.

Глубокой ночью загорелся коровник. Сильный ветер быстро донёс едкий дым до деревенских домов. Первым проснулся, ночевавший на сеновале Анастас. Не зная ещё, чем можно помочь, он прибежал к охваченному пламенем строению. Шум бушующего на ветру пламени и тревожный рёв задыхающихся в дыму животных делали жуткой и без того страшную картину.

Не помня себя, Анастас кинулся к большим воротам, пытаясь отбросить подпиравшее их бревно. Сил не хватало, видно давно не пользовались этим выходом. Анастас подбежал к сторожке, рванул дверь и услышал богатырский храп ночного сторожа. Схватив в темноте за босую ступню сторожа, Анастас тянул и тянул его, пока не прекратился храп.

– Кто-о тут?

Мальчик не часто сталкивался с пьяными, но здесь он безошибочно признал такого.

– Пожар, горит коровник! – закричал он, – надо открыть ворота.

– Уйди прочь, – промычал сторож.

– Увидев на столе, освещённом через открытую дверь заревом, связку ключей, Анастас не задумываясь, схватил её и выскочил во двор. Где-то с криком бежали люди.

Анастас вдоль стенки сарая пробрался к центральным воротам и начал лихорадочно совать ключ в громадный висячий замок.

Здесь, вблизи, обстановка была совсем адская. Порывы ветра то с одной, то с другой стороны приносили шквалы горячего, обжигающего воздуха. Треск полыхающего дерева и истошное мычанье обезумевших коров сливались в один сплошной рёв.

Мальчик дрожащими руками всё искал и искал тот единственный ключ, который бы оживил висящую на дверях громадину. Наконец, замок щёлкнул и с грохотом соскользнул вниз. Анастас потянул на себя обе половины и ворота медленно распахнули чёрный зев. Едва Анастас успел отскочить в сторону, как живая лавина вырвалась из темноты и потекла прочь, угрожая смести всё на своем пути. Кто-то схватил Анастаса за руку и с силой потянул от ворот. Несколько человек с ведрами и лопатами тут же остановились в темноте. Теперь уже никакие вёдра не помогут и ломы бесполезны в такой круговерти.

Когда поток из ворот схлынул, два человека юркнули внутрь сарая. Анастас тоже поспешил за ними. Там в дальнем углу пламя бушевало во всю, а в противоположной стороне сбились в кучу молодые телята и несколько коров. Они никак не хотели идти к выходу, упорно жались друг к другу. Люди пытались их гнать, кричали, били палками – только ещё более создавалась толчея и неразбериха.

Анастас сумел оторвать от стада одного телёнка и погнал его к выходу. Тут же за ним побежали другие молодые, потом взрослые, животные. Они сбили Анастаса с ног, отшвырнули его в сторону и также лавиной повалили в ворота.

С трудом, преодолевая боль, поднялся Анастас на ноги и, опираясь на палку, стал пробираться к выходу. К нему подбежал один из находившихся здесь же людей, подхватил его на руки и легко понёс, словно это был сноп соломы.

А минуту спустя, пламя охватило всё помещение и ни одно, оказавшееся бы там существо, не осталось бы живым...

Анастас с матерью были связаны более, чем родственными связями. Их объединяла искренняя, человеческая дружба. И когда он учился в десятом классе, жизнь нанесла ему второй сокрушительный удар. Автомобиль, в котором Татьяна Анастасовна совершала очередную поездку по району, внезапно потерял управление и, перевернувшись, упал в реку. Никто из пассажиров не спасся. Только водитель чудом сумел выплыть, на свою беду, ибо через несколько дней он лишился рассудка и уже больше не смог вернуться к нормальной жизни. Анастас только через месяц вновь появился в школе. И хотя все старались уделить ему внимание, поддержать добрым словом, мальчик замкнулся и почти всё свободное время проводил в одиночестве. Рисование и изобретательство отвлекали его от мрачных мыслей и постепенно размягчали душу...

Нелёгкая жизнь Анастаса без отца, трезвость и справедливость матери во всех делах закаляли характер и воспитали самостоятельность мальчика. При всей хрупкости фигуры Анастас смело отстаивал свои убеждения. Вот только силу, как способ решения споров, презирал и иногда пасовал перед нею.

Однажды в институте, рискуя репутацией, Анастас встал на защиту студента, которому грозило исключение за неуспеваемость. Женя Усаченко был старшим в семье. Больная мать и трое братьев нуждались в уходе и средствах для существования. Отец бросил их и скрылся в неизвестном направлении. Женя был способным парнем, страстно хотел учиться, но постоянные домашние заботы и ночные дежурства на «скорой помощи» забирали много сил и времени. Сохраняя академическую задолженность за третий семестр, Женя пропускал занятия и всё более отставал в четвертом семестре.

Когда стало известно о готовящемся решении деканата об исключении Усаченко, Анастас бросился его защищать. Он пошёл в деканат, доказывал там несправедливость и ошибочность мнения об Усаченко, но успеха не добился.

– Ребята, мы не можем допустить, чтобы Женю исключили из института, – говорил после этого Одинцов на собрании группы. – Никто из нас не достоин быть медиком более, чем он. Мы только собираемся принести пользу медицине, а он её уже приносит и делает это страстно, не раскаиваясь в выбранном пути.

– Но, ведь он отстающий, – попытался возразить Костик Трубенков – «очкарик».

– У него хвосты, – поддержала его Люся Гвоздикова – безнадёжная зубрила.

– Да, хвосты, – не сдавался Одинцов, – но это не волчьи хвосты, а хвосты ящерицы. В любой момент их можно сбросить. Женя способен это сделать, но ему сейчас трудно, надо помочь ему.

– Среди нас ящерица завелась, – не унимался Трубенков, – надо в зоопарк её.

Никто из студентов не поддержал «очкарика».

– Правильно, ребята, мы что, разве не друзья ему?

– Жалко Женю, надо помочь ему, – раздался голоса из последних рядов.

– Вот и я говорю, – продолжал Одинцов, – надо группой поручиться за него и пойти к ректору.

Сам Женя на собрании не присутствовал и о решении ребят ничего не знал. Предупреждённый деканатом, он смирился со своим исключением и занятия не посещал.

Трое ребят во главе с Анастасом на приёме у ректора горячо ратовали за своего друга, сумели убедить всех, что Женя Усаченко рождён для медицины, что его неудачи временные и преодолимые.

Результатом такой борьбы были не только отмена подготовленного решения об исключении, но и назначение стипендии этому студенту. Ректор сказал Одинцову, что если Усаченко не исправится, то придётся всю стипендию, им полученную, вычестить с Одинцова.

– Согласен, согласен на такие условия, – воскликнул Одинцов, – понимая шутку ректора и в то же время, будучи уверенным в способностях Усаченко.

С удвоенной энергией после этого взялся за учебу Усаченко, сократив теперь, благодаря стипендии, ночные дежурства.

Закончив «с отличием» институт, Усаченко был первым кандидатом в аспирантуру, но попросился направить его туда, где больше всего нужны были его руки...

Что заставляло здесь, в лесу, воссоздавать в голове Анастаса эти и другие картины его жизни, непонятно. Ясно одно, что многое из прошлого он переживал снова и с не меньшей силой, чем в давно ушедшем прошлом.

Потом Анастас вспомнил, как он пришёл сегодня на лесную поляну, чтобы сделать зарисовки и, увидев здесь нечто необычное, потерял сознание. Он открыл глаза, посмотрел вокруг себя и попытался подняться на ноги. Монотонный, журчащий шум снова напомнил ему об утренних видениях.

Поднявшись, Анастас сквозь шум начал улавливать отдельные слова какой-то непонятной речи. Потом слова стали отчетливее, громче и он услышал фразу, обращённую к нему:

– Не пугайся, человек, и не пытайся пока увидеть меня. Стой на этом месте и слушай, что я тебе скажу.

Хотя Анастас понял слова, сказанные ему, он всё же сначала повернул голову направо, потом налево, поднял глаза вверх и, никого не увидев, снова прислушался к голосу.

Этот голос слышался не совсем обычно – он не имел источника, не воспринимался ушами, как органами человеческого слуха. Голос как бы возникал сам по себе в голове Одинцова и сразу ощущался слуховым центром головного мозга.

– Ты пока не видишь меня, но можешь со мной разговаривать. Можешь мне отвечать и даже, если захочешь, спрашивать. Не надо напрягать свои голосовые связки, говори со мною мысленно, я тебя слышу и понимаю.

Анастас, словно в оцепенении, стоял и слушал рождающиеся в голове слова.

– Я с тобою уже немного знаком. Первая встреча у нас была здесь вчера, только я не давал о себе знать, чтобы не разрушить твои мозговые клетки. Из опыта нам известно, что существо, подобное человеку и обладающее мозгом, не может сразу войти с нами в контакт. Это смертельно опасно для него. Поэтому я сделал две попытки приблизиться к тебе, вчера вечером и вот сегодня утром. Второй контакт был более близким и, может быть, слишком сильным, поэтому ты потерял сознание. Но я поспешил оставить тебя, чтобы не причинить большего вреда. А вот теперь, в третий раз, я могу смелее сблизиться с тобой. Твой мозг начинает приспособливаться и может работать со мной на одной частоте.

Анастас слушал всё это, не проронив ни одного слова. Он, будто спал, стоя, не шелохнувшись и затаив дыхание.

– Но и эта встреча не может продолжаться долго. Я скоро покину тебя, чтобы потом встретиться вновь. Мы с тобой, надеюсь, поймём друг друга, но, прежде, чем расстанемся, я представлюсь. Я – живое существо из другого мира, с другой галактики, но наша жизнь и мы сами не похожи на вас и на вашу жизнь. Я живу только в мыслях, а точнее, я и есть сама мысль, концентрация её, сгусток мыслительной энергии. Я являюсь некоторым подобием вашей мозговой энергии, которая, как я уже понял из многих наблюдений и контактов здесь, на вашей планете, слишком слаба. Вы и сами не можете её ощущать физически. А я являюсь концентрацией такой энергии, в миллион раз превышающей энергию вашего мозга, как энергия шаровой молнии превышает энергию зажженной спички. Мы живём в другом мире, другой жизнью. А теперь прилетели к вам, вернее – не прилетели, а прибыли. Для нас не существует расстояний, мы, обладая скоростью мысли, можем перенестись в любой уголок Вселенной. Но перенос этот не является полным – основная часть нашего естества, нашей энергии остается дома. Мы питаемся ею и постоянно поддерживаем с ней связь. А теперь, человек, скажи своё имя.

– Анастас, – шёпотом произнёс Одинцов.

– Ты должен уйти, длительное общение со мной сейчас для тебя – большая нагрузка. Твой мозг не способен долго находиться в контакте со мной, он не может принять чрезмерно большой поток внешней энергии.

В следующий раз ты узнаешь ещё кое-что о нас и о цели нашего появления здесь. И ты нам поможешь. В добрый путь! До завтра, На этом месте.

– До свиданья, – подумал Анастас и сразу же почувствовал некоторое облегчение.

Постояв несколько минут на месте, Анастас обнаружил, что листья на деревьях и кустарнике приобрели обычный, нежно-зелёный цвет, а поляна – вчерашнее очарование.

Анастас машинально достал краски и бумагу, но... вдохновенье его покинуло. Слишком сильное и необычное впечатление оставил о себе странный пришелец.

«Как это понимать? – думал Одинцов. – Значит, существует внеземная цивилизация! И я стал первым человеком, который установил с нею контакт. Хотя, нет, не первым, а одним из первых, ведь ОН же сказал, что были и другие контакты. Значит, на меня возложена большая ответственность – явиться перед инопланетянами в качестве представителя человечества. Смогу ли я достойно представить земную цивилизацию перед лицом такого мощного интеллекта? Ведь это гигант, гений, это...»

Анастас не нашел подходящего слова, чтобы полноценно назвать то существо, которое только что было рядом с ним. Оно так ошеломило его и подавило своей неестественностью и неожиданностью, что Анастас боялся назвать его недостойным словом.

Медленным шагом Одинцов шёл к своей палатке, чтобы отдохнуть там и в спокойной обстановке ещё раз переосмыслить всё то, что с ним приключилось. Но каким бы значитель-

ным, ни было это событие, у него, ни разу, ни на секунду не зародилась мысль, чтобы с кем-нибудь поделиться, поговорить, посоветоваться. Он не стремился об этом необычном явлении срочно сообщать людям, специалистам, занимающимся внеземными цивилизациями. О нет, он не жаждал единоличной славы и не мечтал получить для себя выгоды: он никогда не был эгоистом.

Глава 5

Всю ночь Серёжа не мог уснуть. То ему было жарко, и он сбрасывал одеяло, то что-то давило в левом боку, и он переворачивался на правый бок, потом засыпал и, увидев страшное чудовище, просыпался в холодном поту. Он долго лежал с открытыми глазами, боясь снова попасть в кошмарное представление. В эти минуты он приходил на встречу с таинственным «мальчиком», который был сегодня с Серёжей в лесу.

Он вспоминал дорогу, по которой возвращался домой, и мысленно проходил по ней к месту неожиданной встречи.

К утру Серёжа, утомлённый долгими бессонными часами, уснул глубоким сном. Когда бабушка начала его будить, он с трудом смог сообразить, кто у его кровати, и что от него хотят.

Наскоро умывшись холодной водой из колодца, Серёжа оделся и прибежал к бабушке.

– Бабушка, я очень хочу есть. Если можно, поскорей покорми меня, пожалуйста.

– Конечно, можно. Завтрак давно готов. Садись за стол, – нежно глядя на своего любимого внука, сказала бабушка, – только скажи мне, отчего это у тебя сегодня такой аппетит? Никогда прежде по утрам ты не садился за стол таким голодным.

– А я, бабушка, сегодня ночью с чудовищем сражался. Знаешь, у меня были крылья, и я поднялся высоко-высоко над лесом. И тут на меня напали два чудовища с большими клювами, с красными глазами-глазницами, а когти – во-о! – и Серёжа широко развёл руками. – Как у ястреба. Только ещё больше. Они на меня нападают, а я их саблей, да всё по когтям.

– Откуда же у тебя сабля взялась? – улыбаясь, спросила бабушка, – ведь ты без сабли летал на прогулку.

– Нет, бабушка, сабля у меня всегда была с собой, потому, что спать в страшных снах без сабли никак нельзя.

– Ну, хорошо, хорошо, Серёженька, на вот, ешь, – поставила бабушка перед ним чашку теплого молока и горячие, пахучие лепешки.

– Нет, бабушка, ты послушай. Они нападают на меня и сзади и спереди. А я их саблей. Оттяпал им когти, а они меня зубами. Пасти раскрыли страшные, красные. Я одному глазища выколол, потом другому. И тут они слепые стали грызть друг друга. Так и сожрали всё. Остались только одни косточки, которые упали на землю. Вот поэтому, бабушка, я и проснулся такой голодный, – закончил Серёжа рассказ о своих ночных приключениях и начал уплетать за обе щеки пышные лепешки.

Через несколько минут он выскочил на улицу.

Солнце стояло уже высоко, и было жарко. Серёжа сначала медленным шагом, потом всё быстрее и быстрее, словно его влекла неведомая сила, углублялся в лес по знакомой дороге. Он испытывал необъяснимое желание поскорее говорить с удивительным собеседником, встретившимся в лесу.

Тузик, никогда не оставлявший Серёжу в одиночестве, и на этот раз был с ним. Да Серёже и не хотелось оставлять его дома – с другом всегда веселее.

– Тузик, мы сегодня не заблудимся, эта дорога нам известна, – сказал ему Серёжа, – можешь спокойно бежать вперед.

Вот она, знакомая береза, возле которой надо повернуть вправо и углубиться в чащу. Серёжа остановился и почувствовал некоторую робость. Той уверенности, с которой он вышел из дому, у него не было.

Что он хочет сделать со мной? – подумал мальчик, – может быть, затянуть в свои сети, а потом расправиться? Даже если я буду кричать, никто меня не услышит. Только Тузик может сообщить людям, да будет уже поздно.

Повернуть назад? Ведь я не знаю, кто он – этот невидимый пришелец. Друг или враг? Вчера он был другом, а сегодня? Кто знает, что у него на уме.

Тузик подбежал к Серёже и стоял перед ним, словно удивляясь, почему хозяин остановился.

– Что, Тузик, думаешь, я струсил? Нет, я не трус. Я просто встал отдохнуть. Пошли дальше.

И Серёжа пошёл в том направлении, откуда он вчера вышел на дорогу.

Через несколько минут знакомый шум в голове Серёжи дал понять ему, что встреча состоялась. Он снова попал в поле действия мыслительной энергии пришельца. Давление в голове увеличилось, но боли не ощущалось. Вместе с журчащим шумом обострилась ясность мысли.

Тузик, тихо повизгивая, жался к ногам Сергея.

– Здравствуй, друг. Я жду встречи с тобой, – услышал Серёжа знакомый «голос» и остановился, споткнувшись о корень дерева.

– Здравствуй. Я пришёл сюда, как обещал вчера, – ответил он мысленно.

– Я очень рад тебе и сегодня мы сможем познакомиться поближе. Ты меня не видишь, потому что я, как уже говорил, не такое существо, как ты. Мы прибыли на вашу планету из другого мира. Для нас не существует расстояний. Мы можем быть везде, переносясь мгновенно со скоростью мысли в любое место, потому что мы и есть мысль, сгусток мысли.

Мы обнаружили вас совсем недавно и прибыли сюда, чтобы познакомиться с вами. И мы кое-что узнали. У нас уже были контакты с вашими представителями. Но чтобы понять вас лучше, надо ещё общаться, обмениваться опытом. Это будет полезно и для нас и для вас.

Мы живём в другой галактике, в другом мире, но у нас с вами есть кое-что общее. Так же, как и вы, мы разумные существа, мы живем коллективно и у нас тоже есть семьи. И куда бы мы ни переносились, мы – члены семьи – всегда рядом. Расставанье – слишком большое несчастье и многие у нас погибали в разлуке. Здесь на Земле мы втроем: мои родители и я. Как я уже говорил, я ещё совсем малыш, подобно тебе. Мои родители занимаются своим делом и устанавливают свои контакты с кем-то из ваших жителей.

А мне стало скучно, и я ушёл от них, чтобы найти себе развлечение. Я встретил тебя и решил подружиться с тобой. Родители мои ничего об этом не знают, у них много своих забот и они оставили меня без внимания, хотя в любой момент они могут видеть меня, говорить со мной.

Всё это Серёжа слушал, не перебивая говорившего, и не двигаясь с места. Он понял всё, что было ему сказано, но верилось в это с трудом.

– А как же твоё имя и как вас называют? – спросил Серёжа.

– Меня зовут Иллиан. Мы живём на планете Гениании и все называемся генианцами, – Помолчав мгновение, Иллиан продолжал, – я слышал от своих родителей, что, вступив в контакт с вами, нельзя долго общаться, потому что для вас это вредно. К нам нужно привыкнуть. Как ты теперь себя чувствуешь?

– Мне сейчас лучше, чем было вчера, – ответил Серёжа. Ему ещё не хотелось расставаться с Иллианом.

– Ваши мозги, находясь в нашем поле, начинают работать по-другому. Постепенно, после нескольких наших встреч, твоя мыслительная, или мозговая энергия значительно возрастет, и ты будешь намного умнее. Ты будешь понимать многие вещи, которые с прежним полем твоей мозговой энергии ты не способен был понимать.

Серёжа уже и сейчас почувствовал, что он стал не таким, как раньше. Он не смог бы объяснить, в чем изменился, но чувствовал, как будто бы стал старше, чем был два дня назад. Когда человек взрослеет постепенно, он не замечает того, как преобразуется его мозг, как меняются

его восприятия окружающего мира. Он может только сравнить свои прошлые понятия с настоящими.

У Серёжи такой переход произошел за два дня и продолжал происходить сейчас. И, хотя в прошлом у него ещё не было твёрдых, установившихся понятий, слова, которые он только что услышал, воспринимал совсем по-другому, чем пять-десять минут тому назад. Его мозг жадно впитывал энергию поля пришельца, который продолжал с ним разговор.

– А теперь я хотел бы узнать, как ты живёшь и чем занимаешься. Правда, улавливая твои произвольные, не зависящие от тебя мысли, я могу узнать о тебе всё, но на это потребуется больше времени, так как эти мысли обрывочны и не всегда отчётливы. Расскажи мне о себе.

Серёжа почувствовал усталость, однако уходить не хотел. Он уже немного рассказал о семье, о своем брате, кое-что о школе, о друзьях и о том, как он оказался в этом лесу.

Пока Сергей говорил о своей небогатой событиями жизни, Тузик сидел напротив и смотрел ему в глаза. И тут Серёже пришла в голову мысль, которую сразу же уловил его собеседник и немедленно ответил на неё.

– Да, да, дорогой Серёжа, ты прав. И твоя собака, находясь вместе с тобой в моём сильном поле, увеличивает свой мозговой потенциал, и она уже начинает понимать мои слова и даже отвечать мне.

Серёже совсем стало плохо. Его мозг требовал отдыха. Иллиан почувствовал это и решил отпустить Сергея домой.

– Мы встретимся с тобой, друг. А теперь иди, отдохни. Я не хочу, чтобы ты страдал из-за меня: у нас не принято причинять другому зло, хотя бы и самое незначительное. Мы делаем друг другу только хорошие, приятные вещи. А к вам, нашим младшим братьям, совсем ещё «младенцам», было бы непростительно относиться безразлично. Здесь ты меня найдёшь в любое время. Я развлекаюсь сам с собой. Да, да, ты не удивляйся – мы можем развлекаться и таким образом, играть с собой, смешить себя и делать многие вещи, которые у вас возможны только в обществе. Наш разум позволяет это сделать.

И после короткого перерыва:

– До свиданья, Серёжа. До свиданья, Тузик, – услышал Сергей последние слова и, не ответив, глянул на своего верного друга. Тот твякнул два раза очень тихо, видимо, прощаясь с Иллианом и, не зная, что отвечать ему можно и без голоса.

Всё той же дорогой мальчик с собакой возвращались домой. В первые минуты после расставания Серёжа был словно в тумане. Он ни о чём не думал и не вспоминал. Он просто шагал по лесной дороге и хотел только спать. Спать! Скорее бы добраться до дому. Он не чувствовал головной боли, была только какая-то легкость и отсутствие мыслей. Мозг был переутомлён.

Перед обедом Серёжа возвратился домой. Чтобы не огорчать бабушку, он наскоро поел, прилег на кровать и моментально уснул. Бабушка заметила его необычное состояние, но спрашивать, ни о чём не стала. Она накрыла его лёгким одеялом и оставила одного.

Глава 6

Через два часа Серёжа открыл глаза и, продолжая лежать на мягкой постели, вспомнил всё, что произошло сегодня в лесу.

Бабушки дома не было, в комнате стояла полная тишина. Только слышно было, как Тузик скулил во дворе и время от времени царапал лапами дверь.

Серёжа быстро спрыгнул с кровати, оделся и вышел на улицу. Тузик бросился к нему, стал нежно лизать его руки, не переставая жалобно скулить.

Серёжа вынес несколько кусков хлеба и оставшиеся от обеда кости, но Тузика еда не интересовала.

– Ну что с тобой, Тузик? – спросил Серёжа. – Может быть, ты хочешь побегать? Засиделся здесь во дворе. Или пойдём купаться?

Тузик продолжал скулить и крутиться возле своего хозяина.

Тогда Серёжа вышел на улицу, взяв с собой верного друга, который выскочил за ворота и тотчас бросился бежать по дороге к лесу. Видя, что хозяин в нерешительности остановился, Тузик вернулся и начал снова лизать его руки. При этом он повизгивал и смотрел виноватым, просящим взглядом. Серёжа понял, что Тузик рвётся в лес. Он хочет снова попасть на то место, где был сегодня утром. Что его туда влечет? Почему он так стремится к встрече? Этого Серёжа понять не мог, но тоже почувствовал необъяснимую тягу к новоиспечённому лесному другу.

До вечера было ещё далеко и Серёжа, подёргав Тузика за уши, пошёл следом за ним.

Придя к месту встречи с таинственным пришельцем, Серёжа сразу почувствовал его присутствие и вступил с ним в контакт. В голове появился знакомый шум, который теперь не испугал, а только обрадовал.

Тузик, довольный прибытием, радостно махал хвостом и бегал вокруг Серёжи.

– Здравствуйте, друзья мои, я ждал вас и рад вашему приходу. Я знал, что вы услышите мой зов и придёте сегодня, ко мне на встречу, – услышал Серёжа голос и тут же ответил:

– Здравствуй, Иллиан. И я рад, что снова встретился с тобой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо.

– По поведению твоего спутника видно, что у него тоже прекрасное настроение.

– Мой Тузик никогда не унывает.

– Вот и хорошо. А может быть, поиграем? Ведь с тех пор, как мы покинули нашу планету, я играл только сам с собой и не встречался со своими друзьями – они остались далеко. А моим родителям не до игры.

– Я хотел бы... но как я с тобой буду играть? Ведь я живой, а ты...

– Я тоже живой, и даже живее тебя.

– Я хотел сказать, что я живой, а ты неизвестно где, я тебя не вижу. И в какие игры можно с тобой играть? – уже привыкнув к мысленному разговору, с удивлением спросил Серёжа. И, хотя он стал значительно умнее и серьезнее, чем следует быть человеку в его возрасте, ему всё же хотелось поиграть.

– В любые. Давай сначала поиграем в игры, в которые играете вы, потом – в те, которые любим мы.

– Давай так.

– Расскажи о своих играх.

– Они разные. Например, шахматы, морской бой. На улице мы играем в прятки.

– В шахматы мы тоже играем, но тебе будет трудно бороться против меня, поэтому давай играть в прятки.

– В прятки? – удивился Серёжа. – Но я тебя и так не вижу.

– Это ничего, зато ты меня слышишь и чувствуешь. Я спрячусь, а ты меня ищи. Как только ты будешь приближаться ко мне, у тебя усилится шум в голове, значит, ты идёшь правильно.

– Это так, как мы играем в «горячо-холодно»?

– Может быть, только, когда мы играем в прятки, мы уменьшаем действие нашего поля. Энергия излучается слабо. Это немного похоже на ваш сон.

– Тогда я не смогу тебя найти.

– В игре с тобой я буду только «дремать», тогда ты сможешь меня обнаружить.

И игра началась. Серёжа почувствовал, что давление в голове уменьшилось, шум почти исчез. Он посмотрел вокруг, на деревья, потом на Тузика. Всё было, как в обычном лесу. Никаких признаков необычности. Тузик, нюхая землю, начал бегать кругами, почувствовав изменение обстановки.

Серёжа сделал несколько шагов влево, потом назад, повернулся направо и пошёл в противоположную сторону от дороги. Здесь он тоже не обнаружил появления шума. Может быть, пришелец покинул его? И он уже на своей планете?

Серёжа снова возвратился на прежнее место. Тузик продолжал бегать кругами, почти касаясь носом земли. Мальчику в голову пришла идея – а что, если искать не в одном направлении, а уходить от центра по спирали? Тогда, наверное, можно обнаружить шум. Так Серёжа и поступил. Он начал кружиться, всё время увеличивая радиус вращения. Только на одиннадцатом обороте он почувствовал, что давление в голове усилилось и появился слабый шум.

«Кажется, я к нему приближаюсь» – подумал он и пошёл дальше. Но шум снова уменьшился. Тогда он двинулся обратно – шум усилился.

– Я тебя нашёл, Иллиан, ты здесь, – мысленно обратился мальчик к другу, но сам был не совсем уверен в этом – настолько слабо было журчанье.

– Хорошо, Серёжа, ты меня нашёл, – послышался голос и резкий шум сильно сдавил мозги Сергея. Такого давления он ещё не испытывал.

– Отойди в сторону скорее, ты находишься слишком близко от меня. Здесь очень сильное поле.

Серёжа несколькими прыжками отскочил в сторону и почувствовал заметное облегчение.

«Вот это да! Ничего себе, ты задремал! Спал, наверное, мертвецким сном» – подумал Серёжа, забыв о том, что тот его слышит.

– Нет, друг, я не спал. Я всё время наблюдал за тобой. А теперь давай я буду искать тебя. Прячься.

Серёжа побежал за деревья, надеясь спрятаться за ними. Тузик его не покидал. Когда они удалились на значительное расстояние, Серёжа присел в траву и позвал к себе собаку. Он по привычке прятал своё тело, голову, ноги, чтобы их нельзя было обнаружить, и совсем забыл, что Иллиан будет его искать по другим приметам. Но, как же, поступить? Нельзя перестать думать, а значит нельзя и спрятаться. Он весь на виду.

Через минуту Серёжа почувствовал приближение искавшего и инстинктивно втянул голову в плечи. Это ему не помогло. И Тузик, радостно заскулив, вырвался у него из рук. Так бесславно закончились прятки для Серёжи.

– Я тебя нашёл, теперь я спрячусь, – сказал Иллиан.

– Нет, я больше не хочу. Давай играть в твои игры, – попросил Сергей, очень интересуясь, какую игру может предложить Иллиан.

– Хочешь в «борьбу»?

– В борьбу?... Мы тоже занимаемся борьбой. Но... если в прятки с тобой ещё можно играть, то, как же, я буду с тобой бороться? Ведь свалить можно только то, что стоит, а ты...

– Эх, наивный ты человек, Серёжа. Мы можем заниматься любым делом, которое способны делать вы. Только на другом уровне. По-другому. Я с тобой буду бороться одним пальчиком. Я намного сильнее тебя и было бы нечестно бороться с тобой на равных.

– Давай бороться, только как?

– Когда боретесь вы, вам надо свалить тело, придавить его, а мы меряемся силой своей энергии. У кого энергии больше, кто лучше ею управляет, тот и побеждает противника, который полностью подчинится победителю и не сможет излучать свои мысли. Ты меня понял?

– Понял, – после небольшой паузы выговорил Серёжа. – Только мне с тобой не тягаться.

– Я же сказал, что буду бороться с тобой одним пальцем, одним мизинцем.

Серёжа сначала не знал, с какой стороны подойти к противнику и как за него ухватиться. Он почувствовал, что ему стало тяжело думать, его мысли стали вялыми, как будто, они перекачивались у него в голове, не выходя наружу. Он думал об одном и с трудом мог переключиться на другое. Словно ноги завязли в глине: вытащишь одну – засосало вторую.

Тогда он разгадал приёмы, которыми пользовался противник, и решил ответить ему тем же. Он усиленно стал думать:

– Я сильнее тебя, ты слаб, я сильнее тебя. Ты подчиняешься мне. Покорись, Я сильнее тебя. Я не боюсь тебя, – так Серёжа повторял несколько раз одни и те же фразы и почувствовал, что давление на его мозг несколько ослабло. Легче стало мыслить, быстрее думалось. Но стоило ему только на секунду потерять бдительность, ослабить свои усилия, как снова почувствовал, что он в тисках. Опять его мысли замедлились, воля покорилась. Он пытался изменить ход борьбы и, на миг ему показалось, что вырвался из сильных объятий противника, но потом снова всё повторилось. Всё слабее и слабее бьётся мысль в голове Сергея. Он способен довести её только до слова «ты...» а дальше... глина, вязкая глина.

– Ты... ты... ты... , – только и мог произнести Серёжа. Дальше ему не хватает воли. Словно сжались мозги, превратились в одну сухую клетку, из которой, как белка, не может выскочить мысль. Это было полное поражение. Серёжа почти на лопатках. Вот только последнее движение. Последнее долгое «ТЫ-Ы-Ы». И всё. Серёжа проиграл. Он даже не осознал этого сразу. Не мог, не хватило сил.

Когда Иллиан отпустил его, Серёжа, часто дыша, как будто после настоящей борьбы с Вовкой, признал своё поражение. Он понял, что рано ему еще сражаться с сильным противником. Этим приёмам борьбы на Земле не учат.

– Ты молодец, Серёжа. Ты очень сильный, я считал тебя слабее. Мне пришлось применить к тебе не мизинец, а указательный палец. Ты меня понимаешь?

Серёжа, молча, кивнул. Иллиан его тоже понял.

– Ты всего три раза встречался со мной, а мозг твой стал намного сильнее прежнего. Я тебя «накачал». Ты теперь можешь дольше общаться со мной.

– У меня заканчиваются каникулы. Я уеду отсюда через пять дней. Скоро начинается новый учебный год. Мама за мной приедет и заберёт меня отсюда. Мне жалко расставаться с тобой, Иллиан. Я привык к тебе и полюбил тебя. Может быть, ты сможешь ещё прилететь ко мне? Ведь для тебя это не составит труда. Вам подвластны все расстояния.

– Нет, Серёжа, это не так просто. Мы действительно можем преодолеть мгновенно любое расстояние, но перед этим нужна большая подготовка. Может быть, потом я расскажу тебе об этом, если у нас будет время. А сейчас нам надо расставаться. До свиданья, Сергей. До свиданья, Тузик.

– Ну что ж, до свиданья. Я завтра приду сюда. Жди меня.

И в который раз Серёжа вместе с Тузиком возвращались по лесной дороге домой.

Вечерело. В лесу стало свежо и тихо. Солнце садилось за горизонт, освещая верхушки деревьев красноватым светом.

Тузик не бегал от дерева к дереву, не ставил свои метки. Может быть, он уже и так хорошо запомнил дорогу, а может быть, понял, что это не совсем приличное занятие для образованного пса.

Глава 7

Проведя остаток дня в палатке, Анастас обдумывал ещё и ещё раз те события, непосредственным участником которых он оказался по воле счастливого случая. А может быть, совсем не случай свёл его с веземным интеллектом? Может быть, тот искал очередного подходящего представителя и Анастас оказался именно таким? Недаром же он много времени провел за чертежами приборов для чтения чужих мыслей, для воздействия на психику, характер человека. Все они, так или иначе, связаны с человеческим мозгом, с его деятельностью и взаимодействием между собой двух или нескольких интеллектов. И если уж выбирать среди множества людей такого человека, который более всего достоин первым вступить в контакт с мыслящим существом с другой планеты, то, конечно же, лучше всего выбрать человека, глубоко верившего не только в колоссальные способности человеческого мозга, а также и в возможность управления его деятельностью на расстоянии.

Анастас и раньше задумывался над тем, что люди общаются между собой при помощи речи, жестов, письма только потому, что их головной мозг не способен улавливать на расстоянии мыслительную энергию, излучаемую человеческим мозгом. Эта энергия очень мала, но она есть. И если попробовать подключить к мозгу усилительное выходное устройство, то можно достичь значительной величины мыслительной энергии. А если ещё применить направленное излучение этой энергии, то эффект будет поразительный.

Анастасу посчастливилось работать в группе, изучающей волновой характер энергии человеческого мозга. И, хотя эта группа была малочисленной и ещё не успела получить сколь-нибудь заметных результатов, к ней в институте относились с уважением и живо интересовались её делами.

Споры и обсуждения некоторых вопросов часто выходили за рамки группы «волновиков» и Анастас почти всегда принимал в них горячее участие.

– А я убеждён в том, что путём статистических методов мы сможем доказать неповторимую индивидуальность человеческого мозга, – говорил он. – Каждый человеческий мозг работает в определённом, только ему присущем интервале частот. Я бы даже сказал – на одной частоте. И нет...

– Мы уже доказали, что наши мозги способны работать только в определенном диапазоне частот, и этот диапазон не так уж велик, чтобы его можно было разделить на всех живущих и живших до нас людей, выделив каждому свою частоту, – высказывал сомнение Николай Токарев.

– Да, если мы и не обнаружим среди тысячи обследованных нами субъектов двух владельцев мозгов с одинаковыми частотами, тот это ещё не значит, что таковых не бывает вообще. Ведь по капле нельзя судить о целом океане, – поддерживал Новожилов.

– Вы правы, ребята, но не совсем, – не уступал Одинцов, – статистические методы позволят нам не только экстраполировать наши выводы, но и получить законы, на основе которых мы докажем, что частота мышления – есть такая же индивидуальная особенность человека, как и отпечатки пальцев. Не найти двух одинаковых в этом отношении людей. И я уверен, что если были бы хотя бы двое с одинаковыми частотами, то они понимали бы без слов, читали мысли друг друга.

– Даже при мизерной энергии мышления?

– Даже при этом. Доказательством может служить то, что близнецы понимают друг друга, одинаково думают и переживают.

– Значит, ты считаешь, что у близнецов одинаковые частоты мышления?

– Нет, но очень близки между собой, и один из них улавливает мысли другого, как приемник, плохо настроенный на станцию, всё же принимает её сигналы.

Смелые мысли и доводы Анастаса нередко были неожиданными и служили мощным импульсом в работе «волновиков».

Но Одинцов не был лидером среди своих коллег и только интуиция да уверенность ставили его на первые позиции в спорах...

Продолжая лежать с открытыми глазами, всё более и более убеждался Анастас в том, что не случайно он стал первым объектом, выбранным представителями внеземной цивилизации. Инопланетяне увидели в нём такого человека, с которым можно легко наладить связь, который свободно поймёт их с первой встречи. Да, Анастас так думал о себе, так ему хотелось считать.

А утром, проснувшись, Анастас приготовил себе скудный завтрак и, быстро проглотив его, начал собираться на удивительную поляну. По привычке он положил в сумку кисти и карандаши, сунул туда же бумагу.

И вот он на месте. Пришелец ожидал его и сразу же вступил в разговор с ним.

– Мы очень рады видеть тебя здесь, Анастас. Нам надо многое узнать от тебя, а также наладить с тобой постоянную связь.

– Почему ты говоришь «мы»? Разве ты не один?

— Нет, Анастас. Сегодня мы здесь вдвоём. Ты ещё не чувствуешь этого?

– Я почувствовал давление в голове и шум, который отличается от прежнего. Он стал как будто объемнее и полнее, похоже на стереофоническое звучание. Но я не придал этому значения. Ведь я ещё не успел полностью изучить твои признаки, – Анастас на секунду задумался, потом спросил:

– Скажи, пожалуйста, как мне тебя называть и с кем ты сегодня пришел? Разве ты не один прилетел к нам?

– Нет, Анастас, я прибыл к вам не один. На своей планете мы живем так же, как и вы, семьями и прилетели сюда всей семьей – моя спутница в жизни и в полётах и наш сын. А называть нас можно так: я – Иллианий, моя жена – Иллиана и сын – Иллиан. Мы с планеты Гениании и мы все, живущие там – генианцы. Когда у нас образуется семья, то это не просто объединение и совместная жизнь, это нечто более совершенное. У нас общество устроено так, что в образовании новой семьи принимают участие все генианцы, и подбирается такая пара, которая может быть единственной на Гениании. Мы всесторонне подходим и дополняем один другого не только как супружеская пара, но и как главное условие дальнейшего существования в нашем мире. У генианцев образование семьи происходит в строго определенном возрасте обоих партнеров. До этого времени каждый из нас развивается по восходящей линии и потом, однажды, это развитие приостанавливается. Тогда необходим новый толчок, иначе генианец погибает. Таким толчком и является образование семьи.

Каждый из партнёров представляет незавершённое в своём развитии образование. И только двое из генианцев, объединившись в семью, могут продолжать развитие, совершенствоваться. Таким образом, это не просто семья, это – новый генианец, с более высоким уровнем развития. Мы приобретаем новое имя, одно на двоих. И мы уже не способны жить друг без друга до самого конца нашей жизни. Мы нигде и никогда не расстаемся, куда

бы мы ни перемещались.

У нас рождаются дети, они пополняют супружеское объединение. Это является следующим толчком, и мы переходим в своём развитии на новую ступень. Наши дети – это неотделимая от нас частица. Они тоже носят имя родителей и живут вместе с ними до определенного возраста, то есть до того момента, когда им будет нужен новый импульс, который родители им не способны дать. И опять образуется новая семья. Выход детей из родительского объединения обедняет жизнь родителей и разрушает их физическое существо. Дети бессознательно приостанавливают развитие родителей и приближают их смерть. Но с этим ничего не поделаешь, таков закон жизни на нашей Гениании.

И вот сейчас здесь у вас мы втроём, потому что по-другому мы не смогли бы. Наш сын Иллиан занимается своими детскими делами.

Может быть, ты, Анастас когда-нибудь познакомишься ближе с нашей жизнью, если захочешь. Не правда ли?

– Да, я хотел бы, – вступил, наконец, в разговор Анастас, – но как я могу это сделать?

– Это несложно при одном условии – если у тебя будет желание. А теперь скажи нам, как у вас на вашей планете обстоят дела с семейным вопросом? Нам это интересно знать, потому что, изучая вас, мы изучаем наше доисторическое прошлое.

– У нас с этим делом чуть-чуть похуже, чем на вашей планете, – начал Анастас, не зная как объяснить пришельцам, чтобы не представить всё в черных тонах и в то же самое время не удалиться от истины. – Я, правда, ещё не женат, но кое-что знаю об этом.

Я вам должен сказать, что у нас более демократичное общество в вопросах брака, – улыбаясь, продолжал Анастас, довольный удачным оборотом. – У нас такого строгого ограничения в возрасте нет, как у вас, то есть оно есть, только с одной стороны – с нижней. Достигнув определенного возраста, вступай в брак на здоровье. А если не хочешь, можешь этого не делать и живи, сколько хочешь холостяком, развитие твоё не прекращается. А может быть, и наоборот.

– Как, Анастас, это понимать? Ты сказал: «вступай в брак на здоровье». Значит, вступление в брак у вас улучшает только здоровье? А на умственное развитие оно не влияет?

– Да нет же, – рассмеялся Анастас, – это у нас так говорят «на здоровье». Ну, значит, пожалуйста, никто против этого не возражает. А здоровье и без брака может быть хорошим. Вот я, например, давно уже перешел нижнюю границу, но на здоровье не жалею. А верхней границы у нас не существует – хоть перед самой смертью женись. Выбор спутника или спутницы жизни – дело тоже добровольное. Кто тебе понравится, с тем и вступай в брак. Никто не имеет права вмешиваться. Правда, не всегда так получается, и бывают исключения из этого правила.

– А как же общество смотрит на это дело? Ведь одному человеку трудно найти себе другого, который бы полностью удовлетворял его жизненным потребностям, – вступила в разговор Иллиана.

– Это верно. Так часто оно и бывает. Вступив в брак сегодня, молодые люди завтра, вдруг, обнаруживают, что они не подходят друг другу, – обрадовался Анастас той маленькой помощи, которую своим вопросом оказала ему Иллиана в объяснении бракоразводных процессов. – Я бы сказал, что такое бывает очень даже часто. Но дело в том, что, вступив однажды в брак, человек также свободно может его разрушить.

– И потом он погибает? – удивился Иллианий.

– Нет, он продолжает жить, и иногда даже более счастливо.

– Всё у вас не как у генианцев.

– Таков путь нашего развития и мы не можем от него отступить.

– Несчастные люди! Как вы далеки ещё от совершенства, – с обычной женской жалостью сказала Иллиана.

– Теперь я понимаю, почему наши предки так долго шли по пути развития, – поддержал её Иллианий. По-другому он поступить не мог, её мнение – это и его мнение, и его слова – это и её слова. – Вероятно, они так же, как и вы, не могли правильно решить такой жизненно важный вопрос, как вступление в брак.

– Может быть, вы правы в этом, – попытался встать на защиту человечества и предков генианцев Анастас, – только это не главный вопрос, который определяет нашу жизнь. У нас много других проблем, от решения которых зависит развитие не только человечества, но и всей нашей Земли.

– Решение больших проблем всегда зависит от того, как решены малые. Хотя я не совсем уверен, что брачный, семейный вопрос можно отнести к малым проблемам.

– Скажи, Иллианий, а у вас не бывает ошибок в брачном вопросе? То есть я хочу спросить, не бывает ли у вас разводов?

– Случись у нас развод, это было бы публичное убийство двух или более генианцев. Общество против отдельных его представителей? Нет, это недопустимо! Это противоречит нашим жизненным законам, – не на шутку, видимо, рассердившись на Одинцова за его вопрос, грозно ответил Иллианий. Его слова прозвучали резко и убедительно. Анастас ощутил это всеми клетками своего мозга.

– Ведь ваше общество тоже не будет уничтожать отдельных людей? Не правда ли? – продолжал Иллианий.

Анастас не знал, как ему ответить на этот вопрос. Он боялся сказать правду и не хотел скрывать её.

– У нас бывает по-другому. Если человек идет против общества, то последнему позволено поступать так, как ему это выгодно: может убить этого человека или изолировать его. Например, у нас есть еще воры, грабители и другая нечисть. От них мы избавляемся. Встречается у нас ещё и такое: одно общество или группа людей убивает других. Мы пока не избавились от войн – самого большого зла, которое существует у нас на Земле.

– Война? До нас дошли сведения о войнах, которые вели наши предки, – с глубокой печалью в голосе произнес Иллианий. – Мы знаем, что неразумные генианцы уничтожали в войнах друг друга и губили своё будущее. Только разум в борьбе с безумием смог победить войну, а эта победа дала возможность развиваться разуму. Тогда наши предки поняли, что разум – всему начало. Разум питает самого себя. Вот за это мы воздаём дань нашим предкам. Без этого мы не смогли бы быть настоящими генианцами.

– Ваше прошлое – наше настоящее. У нас до сих пор ещё некоторые считают, что войны дают толчок развитию, только войны способны двигать нашу жизнь вперед. И, подчиняясь этому голосу, многое приносится в жертву неразумному уничтожению. Гибнут люди от голода и разрухи, гибнут люди от чудовищного огня. Общество отстает от потребностей времени в своём развитии.

– Наша история хранит в памяти тот путь, которым шли наши предки к уничтожению войн. Это был длинный и трудный путь, путь побед и поражений. И только объединившись вместе, противники войны задушили всех, стоявших на их дороге.

– У нас силы мира сейчас сильны и готовы встать на защиту своего будущего.

Анастас вел этот диалог, удивляясь своей речью. Он говорил обычные слова, которые не раз слышал в своей жизни, но никогда ему не приходилось так чётко выражать свое отношение к вопросам брака и семьи, мира и войны. Он всегда думал точно так же, но словами не выражал этого никогда.

– Мы, генианцы, стоим выше вас в развитии, – продолжал Иллианий, – и хотелось бы помочь вам избавиться от всех ваших зол. Но сами мы не имеем права вмешиваться в чужую жизнь. А ты, Анастас, можешь попытаться это сделать.

Одинцов понял, что такие высокоразвитые существа способны на многое, и он согласен воспользоваться их помощью.

Задав еще несколько вопросов Одинцову, генианцы остались довольны сегодняшней встречей, но увидели, что их собеседник утомлён и должен удалиться.

Попрощавшись, как добрые друзья, они расстались. Анастас медленным шагом направился к себе в палатку.

Глава 8

Бабушка заметила перемену в характере Серёжи, но суть её уловить не могла. Он всё так же весел и болтлив, только в разговоре чувствовались необычные суждения и удивительная, не детская логика.

– Вот и закончилось твоё лето, мой мальчик. Уедешь ты скоро от меня, – завела бабушка разговор со своим внуком за день до отъезда.

– Да, бабушка, время летит незаметно, и ничем его не остановишь.

– Зачем же его останавливать, Серёженька? Мы доживаем свой век, а вы вступаете в жизнь. Так уж исстари ведётся: одни умирают, другие рождаются, – бабушка говорила и нежно гладила Серёжу. В свои слова и ласку она хотела вложить всю любовь, которая переполняла её доброе, старенькое сердце.

– Ты права, бабушка, время останавливать не нужно. Только хочется, чтобы приятные минуты и счастливые дни продолжались вечно, – согласился Серёжа с бабушкой, но ему было бесконечно жаль, что надо расставаться со своим новым другом. Много интересного узнал Сергей за это время и поделился с Иллианом своими земными, детскими новостями.

Серёжа Умаров – ученик шестого класса – в результате общения с маленьким генианцем получил от него хороший запас мыслительной энергии и теперь значительно превосходил земных сверстников по уровню своего развития.

Оставалось четыре дня до начала нового учебного года. Завтра мама должна приехать за Серёжей и увезти его в город.

А сегодня вечером у него последняя встреча с Иллианом.

Серёжа с некоторым чувством горечи от предстоящего близкого расставания пошёл в лес. При этом Тузика не надо было звать и заманивать, он сам с большим удовольствием бежал на лесную поляну. Он понимал слова не только Иллиана, но также и своего хозяина. Тузик исполнял все его команды, но не бежал, сломя голову, как рядовой пёс, а принимал правильное решение и шёл к цели кратчайшим путем. Он мог бы докладывать Серёже о выполнении задания, но, к сожалению, слов произносить ещё не умел.

Серёжа и Тузик подошли к Иллиану и, как старые друзья, поприветствовали друг друга. Они были готовы броситься в объятия, но объятий в человеческом понимании не получилось.

– Мы сейчас поиграем немного, потом простимся с тобой, Иллиан, – сказал Серёжа.

– Я мог бы играть с тобой вечно, – поддержал его Иллиан, – ты очень забавный мальчик и хороший, настоящий друг.

– Ты мне тоже понравился, Иллиан, но время пока сильнее нас, и пришла пора уезжать нам отсюда.

Они втроем начали играть в полюбившуюся им игру, в прятки. Серёже очень нравилось искать Иллиана. Он теперь лучше слышал его и быстрее находил. Тузик тоже всегда играл с ними и искал их не хуже, чем они его. Вероятно, ему помогало собачье чутьё.

Когда им надоела эта игра, Иллиан сказал Сергею:

– Ну что ж, Серёжа, если сможешь, помни меня. Я буду посылать тебе мысленные приветы. Если когда-нибудь мы прибудем ещё на вашу Землю, то я обязательно найду тебя.

– Я всегда буду помнить тебя, Иллиан. Ты останешься моим самым лучшим другом и, принимая твои приветы, я буду свои посылать тебе. Сколько бы времени ни прошло, я всегда буду ждать тебя и надеяться на новую встречу с тобой.

– Ты тоже будешь помнить меня? – обратился Иллиан к Тузику.

Тот завилял хвостом и, жалобно повизгивая, закружился вокруг Сергея.

Простившись с Иллианом, Серёжа и Тузик побрели медленным шагом к дому. Горькое чувство сжимало сердце мальчика после расставания с Иллианом и только ожидание скорой встречи с мамой, папой и любимым братом скрашивало его печаль.

За всё время встреч с инопланетным пришельцем Серёжа ни одним словом не обмолвился ни с бабушкой, ни с деревенскими друзьями о своих походах в лес и необычных встречах с Иллианом.

Искупавшись, последний раз в теплой, вечерней воде, Серёжа и Тузик пришли к ожидавшей их бабушке. Накормив их, она уложила внука спать, а Тузику предоставила полную свободу: хочешь – ложись, а хочешь – бегай с деревенскими собаками.

Мама приехала в полдень.

– Как повзрослел ты, Серёженька. Совсем мужчиной стал. Папа тебя не узнает. Загорел, окреп. А глаза-то, глаза! Глубокие, как озеро, и умные – преумные. Ты что, Серёжа, на парном молоке здесь так быстро вырос? Или тебя бабушка за уши тянула?

– Да нет, мамулечка, я жадно поглощал кислород из деревенского воздуха. Ты разве не заметила, что здесь мало кислорода осталось?

– Кислород? – удивилась мама. А мне кажется, что кислорода здесь намного больше, чем у нас в городе.

– Неужели, правда? Ну, понятно, я и забыл, что в городе гораздо больше мальчишек, чем здесь, а все они кислород поглощают.

– Ну ладно, не шути, ты скажи лучше, не скучал ли ты здесь? Или забыл про нас?

– Я всегда помнил вас, мамочка. И тебя, и папу, и Вову. Ну, а скучать мне здесь некогда было.

– Вот и хорошо. Я рада, что ты приятно провел время. А Володя уже возвратился из лагеря. Ему там тоже очень понравилось. Да он тебе сам сегодня расскажет обо всем. Я думаю, у вас много новостей друг для друга. Правда, дорогой?

– Конечно, я очень хочу его поскорее увидеть.

Вера Никифоровна позвала бабушку, которая готовила гостинцы для Вовы, и они вдвоём начали собирать вещи в чемодан.

– Ты пиши мне, Серёженька. Я очень буду скучать и ждать письма от вас. Пиши мне обо всём – обо всём, – и, как в прошлые годы, она добавила:

– Если я буду жива в следующем году, приезжайте ко мне. Не забывайте.

Пообедав и взяв чемодан, они вчетвером пошли на автобус.

Езды до города было около трёх часов.

Глава 9

Анастас надел чистую рубашку и отправился на последнее свидание с представителями веземной цивилизации. Он шёл на него с большим волнением и радостью, чем ходят на свидание с любимой девушкой. Одинцов помнил такие встречи с одной девушкой, которая нравилась ему и рассталась с ним совсем неожиданно. Она была слишком ревнива и не могла простить Анастасу его увлечений, она требовала полного внимания к себе и не хотела его делить ни с кем и ни с чем. С тех пор, как Одинцов расстался с ней, он не пытался искать встреч ни с одной девушкой, хотя некоторые из его сотрудниц не прочь были бы поговорить с ним и не на производственную тему.

Когда Анастас подходил к месту встречи, он увидел недалеко незнакомого человека. Это был мужчина средних лет, плотный, невысокого роста в большой кепке серого цвета. Он шел между деревьев навстречу Одинцову и смотрел по сторонам.

«Вероятно, грибник забрёл сюда – подумал Анастас. – Пусть уйдёт от этого места, он здесь совсем некстати».

Человек, испуганно озираясь, свернул в противоположную сторону.

«Вот и иди туда, там много грибов» – мысленно проводил его Анастас и, подождав, когда тот скрылся из виду, быстро пошёл в нужном направлении.

Подходя к замечательной поляне, Анастас почувствовал, что его здесь ждут. После семи встреч с генианцами мозг Анастаса так перестроился, что сразу и издалека входил с ними в контакт.

– Сегодня у нас последняя встреча, Анастас, – начал разговор Иллианий, не приветствуя его. – У нас ещё есть время для разговора, но прежде всего я хочу тебе сообщить неприятную новость.

– Какие-нибудь известия с вашей Гениании? – встревожился Одинцов.

– Нет, на Гениании всё в порядке. Неприятность случилась здесь у нас. Последние две наши встречи с тобой происходили в присутствии постороннего мозга.

– Как так?

– Я не хотел тебе говорить об этом, думал, что всё это случайность и пройдет бесследно, незаметно для тебя.

– Объясни, пожалуйста, Иллианий, какой посторонний мозг? О чём ты говоришь? – ещё ничего не понимая, снова спросил Одинцов.

– Всё объясню, слушай. Я буду говорить тише, а ты напряги свои слуховые клетки. Вчера и позавчера, разговаривая с тобой, я почувствовал, что в моём поле находится посторонний источник мыслительной энергии. Это был человек. Он стоял достаточно далеко от нас, и ты его не почувствовал. Он, видимо, уловил мою мысль и стал прислушиваться к ней. Он не знал, кто говорит и откуда речь. Я пытался поймать обратные импульсы, исходящие от него, и узнать, чего он хочет. Но он, слушая меня, а может быть и тебя, почти совсем прекратил свою мыслительную деятельность. Я знаю, так бывает с мозгом человека, если ему часто приходилось затаиваться, прятаться, избегать опасности. В первый день я даже подумал, что он ушёл, но оказалось не так.

Вчера он появился здесь опять. Я его обнаружил на некотором расстоянии. Вероятно, он слышал что-то из нашего разговора, хотя я в этом не уверен. Я с тобой говорил тихо, а тебя он на таком расстоянии услышать не мог. Но судя по тому, что он снова находился там и почти ничего не излучал, можно предположить, что он старался прислушаться.

А вот сегодня, перед твоим приходом, Иллиана, которая находилась недалеко отсюда, «уловила» его присутствие и сообщила мне об этом. Я прекратил излучение своей энергии и

решил послушать этого человека. Он всё время искал нас, но так как ничего не было слышно, то ему поневоле пришлось думать. Я его услышал и передаю тебе его мысли слово в слово.

– Как зовут его и кто он? – Анастас вспомнил невысокого человека, который встретился ему сегодня.

– Я этого не смог узнать, так как он не думал об этом. Вот его мысли: «Я должен сегодня найти их, во что бы то ни стало. Я подойду поближе и узнаю их тайну. Как мне повезло, что позавчера я здесь заблудился. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Интересные вещи они обсуждали и, что-то, не менее интересное, задумали. Кто же он, этот мудрый учитель, которого я ещё не видел? Ученика я обнаружил сразу, он от меня не уйдёт...» Тут в моём поле появился ты и его излучение сразу исчезло.

– Я видел его, только лицо не рассмотрел. Он прошёл стороной от меня между деревьев. Я подумал, что он собирает грибы.

– Нет, Анастас, этот человек с недобрыми мыслями. Если он прячется от кого-то, то хорошего от него не жди. Мы, генианцы, уже забыли об этом, так как уже давно изжили у себя такие недостатки. Это и явилось причиной того, что я сразу не принял меры к устранению контакта с ним.

– Ну что ж, Иллианий, у нас сегодня последняя встреча, не будем думать о плохом и огорчать себя подозрениями, – решил отвлечь Одинцов генианца, чтобы закончить вчерашний разговор.

– Пусть сопутствует тебе удача в твоей полезной деятельности и чтобы никто не помешал тебе в этом, – приняв предложение Одинцова, пожелал ему Иллианий.

– Хорошее дело всегда найдет себе дорогу.

И, помолчав, Анастас продолжал:

– Итак, Иллианий, вы посвятили меня в некоторые ваши тайны и открыли мне глаза на многие вещи. Я всю свою оставшуюся жизнь посвящу благородному делу.

– Я верю тебе, Анастас.

– Мне теперь никто не сможет поставить преграду...

– Постой, Анастас. Тот человек опять вошёл в моё поле. Я его чувствую. Он совсем где-то близко.

– Но ты же можешь подавить его своей мощной энергией, и тогда мы узнаем, кто он такой и что от нас хочет.

– Нет, Анастас, это, во-первых, противоречит нашим законам: мы не можем использовать свой мощный интеллект для достижения каких-то целей на другой планете, во-вторых, мы не имеем права вмешиваться непосредственно в вашу жизнь даже с самыми гуманными целями. Вы должны сами у себя своими силами устроить порядок.

– У вас хорошие законы, Иллианий, но мне кажется, что для достижения справедливой цели можно было бы и отступить от требований закона.

– Если бы такое случилось хоть однажды, то оно случилось бы и во второй раз, и в десятый. А в двадцатый раз это отступление от закона произошло бы не в благородных целях. Поэтому, если у нас есть закон, то мы его чтим и соблюдаем.

– К сожалению, мы, люди, не можем о себе сказать такое. Кстати, Иллианий, если вы прибыли к нам с целью установления контакта с землянами, то почему вы прячетесь в лесу, а не появляетесь среди людей? Ведь там вы смогли бы получить более обширную информацию.

– Это невозможно, Анастас, так как наверняка были бы жертвы среди людей. Ты знаешь, к чему приводит быстрый, непосредственный контакт с нами. Кроме того, из своего опыта на других планетах мы знаем, что всегда найдутся существа, желающие, во что бы то ни стало заполучить нас и использовать в своих корыстных целях. Особенно, в таких ещё низко развитых обществах.

– Да, это правда. Но всё же, мне кажется, что от меня вы получили немного пользы.

– Не переживай, Анастас, мы получили достаточно обширную информацию о разумной жизни на Земле. Установив контакт с тобой, мы не ограничивались этим. Ты нам рассказал о решении брачных вопросов, об общественной жизни и взаимоотношениях между отдельными людьми. Кое-что мы узнали от тебя и об уровне развития науки и культуры. Ну, а подкрепление этих сведений, их уточнение и расширение проводилось нами в других местах. Удивительно, как далеки вы ещё от совершенства, как много проблем стоит перед вами, которые выдуманы и могли бы решиться в разумном обществе.

– О чём идет речь?

– О природе, например. Об удивительной вашей природе. Вы сначала губите её, чтобы потом защищать и восстанавливать. Разумные поступки и действия не должны приводить к этому.

– Это правда, но...

– Или те же непостижимые для нашего понимания изуверства над существами, себе подобными. Убивать и калечить, чтобы потом лечить или вновь возрождать! Сколько сил ваших и средств уходит на это безумие.

– Иллианий, мы это понимаем.

– Да, я знаю, многие так думают и понимают.

– Разве вы... – попытался узнать Анастас.

– Тише, тот опять обратился в слух, – перебил Иллианий. – Чтобы он не слышал больше того, что уже слышал, нам лучше расстаться. Сейчас сюда приблизится Иллиана, и мы с тобой прощаемся.

И действительно, только Иллианий успел закончить свою фразу, как Анастас почувствовал, что поле вокруг него сгустилось, энергия увеличилась. Иллиана была рядом.

Анастас теперь уже не удивлялся необычному виду лесной поляны и светло-зеленому цвету листьев и травы. Эта необычность, эта серость была для него желанной и неповторимой.

– Здравствуй, Анастас, и, пожалуй, сразу прощай, – нежно «прожурчал» в голове у Одинова голос появившейся Иллианы. – Мы посещали многие миры и планеты и не встречали такой красоты. Только на Генианию я могла бы поменять вашу планету, но, ни на какую другую.

Женщина всегда остается женщиной, она всегда чувствует красоту. Кто бы она ни была – землянка или генианка – она одинаково ценит всё прекрасное.

– И ты, Анастас, – достойный представитель своей планеты, – продолжала Иллиана, – нам с тобой было легко и приятно. А вот и наш Иллиан. Ты с ним не знаком? Он у нас совсем ещё маленький.

Анастас услышал «детский» голос маленького генианца и приветствовал его по нашему земному обычаю.

– Здравствуй, здравствуй, маленький. Как тебя зовут?

В ответ он услышал совершенно чёткий, без тени смущения, голос и понял, что земные мерки не подходят к малым генианским детям.

– Здравствуй, человек. Имя моё назвала тебе Иллиана, моя мать. Разве ты не расслышал?

– Я надеюсь, что нам придётся ещё встретиться. Может быть здесь на Земле, а может быть и в другом месте, – снова вступил в разговор Иллианий. – У нас ещё много дел, которые мы могли бы решить вместе. Но сейчас пора. До свиданья.

– До свиданья, друзья, – мысленно попрощался Анастас и здесь, в самом конце, он заметил одну черточку генианцев, похожую на черту землян. Они так же, попрощавшись, готовы ещё и ещё говорить, чтобы хоть на минуту продлить миг расставания.

– До свиданья, Анастас. Помни о наших встречах, – сказала Иллиана.

– До свиданья, привет детям, – не то в шутку не то в серьёз произнёс маленький генианец.

Постепенно шум в голове, к которому уже привык Анастас, утих. Он, молча, повернулся, постоял на месте и медленно начал обходить ту поляну, которая явилась свидетелем и даже виновницей его необычных встреч с генианцами.

Он вспомнил, как пришёл сюда впервые, как понравилось ему здесь, как потом он много раз с радостью приходил на это место. И сейчас, словно в трауре, Анастас совершил обход вокруг поляны, его сердце сжималось от тяжкого чувства расставания. Комок горечи упорно стоял в горле.

Не желая больше терзать себя воспоминаниями, Одинцов решительно направился в сторону палатки, которая в последнее время редко видела своего владельца.

Август заканчивался. Надо было возвращаться в город. Одинцов имел в запасе несколько дней отпуска и мог бы ещё побродить по лесу с карандашами и красками. Но он решил, что это будет выше его сил и он не сможет больше здесь заниматься любимым искусством. Этим же вечером Одинцов отправился домой.

Глава 10

До ближайшей станции Одинцов добирался пешком. Он шёл размашистым шагом по лесной тропинке и не замечал прекрасных уголков, попадавшихся на его пути. Солнце уже село за горизонт, и небо на западе окрасилось в красно-малиновый цвет, когда Одинцов вместе с другими пассажирами заскочил в подъехавшую электричку.

Он не видел того, как человек среднего роста быстро вошёл следом за ним и, сняв серую кепку, примостился в дальнем углу вагона.

Подойдя к вокзалу, электричка замедлила ход и остановилась, выплеснув на перрон целое людское море. Шумные, говорливые, с почерневшими за лето лицами люди, как ручейки, стали растекаться в разные стороны.

Одинцов, словно капля, влился в один из ручейков, и тот вынес его на простор при- вокзальной площади. Здесь уже ручейки рассасывались, разделялись и исчезали в невидимых щелях, навсегда покинув только что бурлившее на перроне море.

Сев в автобус, Одинцов продолжил путь к своему дому.

«Серая кепка» не покидала его, будто привязанная невидимой нитью. Одинцов не замечал вокруг себя ничего и никого. Он задумчиво смотрел в окно, окидывая безразличным взглядом, проплывавшие мимо, дома и улицы.

Когда хриплый голос из динамика назвал его остановку, Одинцов взвалил на плечи свою поклажу и выскочил на дорогу. Пройдя несколько шагов вперёд и повернув за угол, Одинцов приблизился к своему подъезду. Словно тень, неотступно следовавший за ним человек обошёл вокруг дома, заглянул в дверь, куда нырнул Одинцов и, видимо, удовлетворившись этим, направился в противоположную сторону.

Наутро Одинцов по привычке проснулся рано. Он отбросил одеяло и, наслаждаясь свежестью и комфортом домашней постели, продолжал лежать неподвижно. Часы пробили семь. Спешить было некуда.

Жил Одинцов один в своей небольшой однокомнатной квартире на пятом этаже. Он любил уют и в квартире поддерживал относительный порядок. Только множество чертежей, металлических предметов и инструментов выдавало его холостяцкое положение. Его вещи не были разбросаны, как у многих гениальных изобретателей, по всей квартире, но их было так много, что ничего другого здесь не было видно.

Полежав, без движения, несколько минут, Одинцов поднялся, сделал зарядку и начал быстро одеваться. Он не хотел больше отдыхать и решил сегодня же пойти на работу. Надо срочно забрать чертежи прибора, предназначенного для воздействия на характер человека, изменения его и управления им. Теперь у Одинцова другая цель. Он знал, как её осуществить, что нужно сделать. За основу будущего прибора Одинцов собирался взять те разработки, которые сделаны были раньше. Он был так одержим новой идеей, что не мог больше ждать и откладывать на неопределенное будущее её претворение. Сегодня же за работу! И работать, работать до тех пор, пока не будет сделана новая «машина». Скорее всего, это даже не «машина» а просто прибор, небольшое устройство, и вчера перед сном он придумал ему название. Это будет «мыслетрон». Да, да, МЫСЛЕТРОН. Такое название отвечает духу времени и будет полностью отражать сущность прибора.

Одинцов не любил ездить по утрам на автобусе, когда все спешат, все опаздывают. Автобусы заполнены до отказа и медленно ползут по шумным улицам. Одинцов шагал, никому не мешая, ни с кем не «обмениваясь любезностями». На дорогу уходило тридцать пять минут.

Одинцов шёл быстрым шагом и, в который раз, не замечал преследовавшего его человека в серой кепке. Тот внимательно следил за Одинцовым, ни на секунду не упуская его из виду. Они вдвоём, с интервалом в пятнадцать-двадцать метров, дошли до больших, стеклянных две-

рей серого здания, куда и поспешил скрыться Одинцов. Человек в кепке прошёл дальше, вернулся назад и, постояв несколько минут возле дверей, двинулся в обратном направлении,

– Здравствуй, дорогой Анастас!

– С выходом на работу!

– Как тебе отдыхалось? – встретили сотрудники Анастаса многочисленными вопросами и поздравлениями.

– Здравствуйте, друзья, здравствуйте, – искренне обрадовавшись встрече, отвечал Одинцов. – Спасибо вам. Отдыхал прекрасно. Как вы тут без меня работаете?

– Плохо нам без тебя. Дело валится из рук, – полушутя воскликнула из-за стола девушка. Звали её Светланой, и она была одна из тех сотрудниц, которые часто поглядывали на Одинцова. Она не прочь была бы познакомиться с ним поближе.

– Мы тебя часто здесь вспоминали и даже поспорили по поводу того, где ты находишься, – вступил в разговор младший научный сотрудник, парень лет двадцати пяти с длинными прямыми волосами. – Одни говорили, что ты рассекаешь волны Черного моря, другие – что покоряешь неприступные вершины Кавказа, а вот всеми нами уважаемая Надежда Григорьевна сообщила нам, что она точно знает, как ты за Полярным Кругом охотишься на белых медведей.

– А я говорил, что ты закрылся в своей домашней лаборатории, и изобретаешь индивидуальный космический аппарат, – высказался из дальнего угла чернобровый красавец Валера. Он был молодым специалистом, пришёл в коллектив всего два года назад, но уже покорила почти всех молоденьких сотрудниц своей красотой и изысканными манерами.

– Мы поспорили на шампанское и твоё возвращение должны отметить искрящимися брызгами. Рассуди нас, дорогой Ананас, и назови поскорей победителя, – продекламировал самый близкий друг Одинцова Николай Токарев.

– Я был недалеко от вас, ребята. В трёх часах езды электричкой. И наслаждался я не вершинами Кавказа и волнами Черного моря, а просто закрашивал белые пятна на карте наших дремучих лесов.

– Вот это да, Ананас! Ты отколол номер! – воскликнул Валера, – да ведь ты нас всех разорил. Мы утопим тебя в море шампанского, если ты не захотел моря Черного.

– Ура! Утопим! Утопим! – дружно поддержали все сотрудники чернобрового красавца.

– Ребята, помилуйте меня, ведь я ещё не догулял пять дней своего законного отпуска. Пропадёт и никому не достанется.

– Как так? – удивилась Надежда Григорьевна. – Ты пришёл, не догуляв своего отпуска? Не осталось белых пятен или краски не хватило?

– Ты пришёл раньше срока, чтобы насладиться нашим шампанским? – в тон Надежде Григорьевне продолжал Токарев. – Мы не потерпим такого нахлебника, который, ради чужого шампанского, пятью днями своего кровного отпуска пожертвовал. Утопим тебя в водопроводной воде, а шампанское выпьем сами.

– Правильно, правильно, давайте сюда графин холодной воды, – потребовал младший научный сотрудник Серёжа Новожилов.

– Ребята, пощадите! В следующий раз я согласен покорять вершины Килиманджаро.

– Никакой пощады! – горячился Новожилов, взяв в руки кем-то принесённый стакан воды.

– Да что вы, ребята, он же простудится. Помилуйте его, – вступилась за Одинцова Светлана.

Так с шутками начался рабочий день Одинцова. Вошел начальник, поздравил его с выходом на работу и шутки на время прекратились.

Анастас любил свой коллектив. И, хоть у него был только один хороший друг Коля Токарев, он и с другими сотрудниками чувствовал себя свободно, участвовал во всех мероприятиях и всегда отвечал на безобидные шутки.

Когда все разошлись по своим местам и успокоились, Одинцов достал из стола папку с чертежами, на которой красным карандашом было написано «АППСИЭКС». Кроме Одинцова, только один Токарев знал, что это расшифровывается как «Аппарат психологических экспериментов».

Одинцов сделал эту надпись в самом начале своей работы над устройством, предназначенным для управления характером и психикой человека. Потом первоначальная цель несколько изменилась и сделанная надпись не совсем точно соответствовала содержанию папки.

Анастас помнил всё, что было нарисовано на бумаге. Он представлял каждый штрих, каждую чёрточку, хотя прошло уже немало времени с тех пор, когда последний раз брал в руки папку. Он с некоторым удивлением теперь вспоминал, как долго бился над отдельными, кажущимися теперь совсем простыми, вещами. Он знал, что надо усовершенствовать, а что выбросить или переделать.

Не замечая больше никого вокруг себя, Одинцов углубился в работу. До обеда он закончил расчёт нового узла и начертил схему индукционного преобразователя. Он начал делать чертёж ещё одного блока, но тут пришел руководитель лаборатории и познакомил его с новой темой, которая была утверждена за время его отсутствия. Эта тема касалась разработки устройств контроля нервной деятельности человека в стрессовых ситуациях. Разговор о ней шёл давно, были определены сотрудники, которые должны заниматься этими работами. Одинцов одним из первых попал в кандидаты на участие в такой интересной разработке и с удовольствием на неё согласился.

Пал Палыч – руководитель лаборатории и новой темы – ознакомил Одинцова с общими направлениями и уточнил вопросы, которыми непосредственно должен заниматься Одинцов. Сроки были сжатыми, а объём работ большой.

– Ну вот, Анастас Иваныч, знакомьтесь с материалами, подберите литературу и начинайте заниматься вплотную, – завершил своё сообщение Пал Палыч. – А то, чем вы занимались раньше, придётся отложить.

– Я понял, Пал Палыч. Работать, так работать, – обрадовался Одинцов утверждённой, наконец, теме. И в то же время он с сожалением подумал, что у него не останется времени для главной теперь его «темы», которую он определил для себя при встречах с генианцами.

«Придётся работать дома, – только и подумал он. – Месяца за два закончу».

И Одинцов, сложив расчеты и чертежи в папку с надписью АППСИЭКС, принялся за новую работу.

Глава 11

– Привет, Вова.

– Здравствуй, Серёжа.

– Здравствуй, папочка, – приветствовал Серёжа брата и своего отца, когда они с мамой возвратились домой.

– Здравствуй, здравствуй, сынок. А ну-ка покажись, как ты вымахал на бабушкиных харчах, – нежно похлопал его по плечу отец. – О-о, вот это герой. Совсем мужчиной стал. Ты посмотри, Верочка, да он скоро обгонит нас с тобой.

– Не знаю, как он с тобой справится, а меня-то точно через годик обгонит, – ответила мать, – а Володя тоже ему не уступает.

– Два брата-богатыря. Молодцы, ребята, – похвалил их Вадим Петрович неизвестно за какие заслуги и, схватив в охапку, попробовал поднять обоих сразу. – Нет, не хватает моих сил больше, скоро вы меня будете подбрасывать к потолку.

– Да, папуля, скоро кончится наше детство и начнётся твоё, – шуткой ответил Серёжа.

Володя после встречи с братом и приветствия его не проронил больше ни слова. Он чувствовал себя не совсем обычно. Какая-то скованность в движениях и непонятная путаница в мыслях. Хочется что-то сказать, но слова как бы цепляются друг за друга. При этом, речь брата Вова слышал раньше того, как тот её произносил. Это очень странно воспринималось, и Володя стоял с открытым ртом, боясь что-нибудь вымолвить.

Бывало, и раньше он понимал Сергея с полуслова, с полудвиженья. Случалось, что они, не сговариваясь, делали одно и то же дело. Это было закономерно, и никто этому не удивлялся: ведь они братья-близнецы, родились и выросли в одинаковых условиях. Немудрено, что их мысли и поступки часто были схожи.

Тузик, обрадованный возвращением в свой дом и встречей с Володей, не сидел на одном месте. Он обошёл все углы, заглянул под кровать, и, вставая на задние лапы, пытался лизнуть мальчика в лицо. Володя не сопротивлялся этому и Тузик, довольный такой свободой, облизал ему щеки и нос.

Когда Серёжа, помывшись, вышел из ванны, Вадим Петрович сказал:

– Ну а теперь, дорогие путешественники, прошу вас к столу. Мы с Володей приготовили для вас праздничный ужин. Будем пировать и праздновать встречу.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, чем вы нас порадуете? – Вера Никифоровна, не ожидавшая такой встречи, счастливая села за стол. Володя хотел занять место рядом с Серёжей, но папа сказал ему:

– Нет, нет, Володя, мы с тобой сегодня в роли хозяев, а это – наши гости. Давай обслужим их по первому классу. Вместе готовили – вместе подавать будем, ну, а если чем-нибудь не угодим нашим гостям, вместе будем отвечать.

Володя, словно сонный, вышел из-за стола и направился вслед за отцом на кухню. Ему больше хотелось сидеть в роли гостя, но просьба отца заставила подняться.

Через несколько минут он принёс салатницу, в которой был аппетитный, из красных, спелых помидоров, салат, украшенный лучком и политый сметаной. Следом за сыном появился отец, у него в руках была сковородка, закрытая крышкой. Из-под неё пробивался приятный запах.

– Внимание, друзья, сейчас я покажу вам фокус. Закройте глаза. Закрывайте, закрывайте, – и, когда Серёжа и Вера Никифоровна послушно опустили веки, он приподнял крышку и громко скомандовал:

– Открыть очи!

На сковородке вместе с жареной картошкой и зеленым горошком лежали румяные, поджаристые цыплята «табака».

– Вот это да, папа! Вы чародеи, – не удержался от похвалы Серёжа, – неужели это вы сами сделали?

– Где же вы взяли этих прекрасных, пахучих цыплят? Наверно, в ресторане заказали, а нам преподносите, как своё произведение, – обратилась мама к Володе.

Но тот находился в смятённом состоянии и не знал, что ему отвечать. Папа пришёл на помощь:

– Как вы смеее так думать о нас? Мы сделали это сами по собственному рецепту и ждём заслуженной похвалы.

– Похвала будет после того, как всё будет съедено. Может быть..., – и Вера Никифоровна разложила принесённое яство по тарелкам.

– У нас ещё есть и напиток, холодный вкусный. Но это уже не наше производство, – поставил отец на стол графин с квасом.

Ужин проходил в приятной, семейной атмосфере. Шутливое, доброжелательное отношение друг к другу у них было принято давно. Они всегда были довольны обстановкой в семье и случавшиеся неприятности переживали сообща. Тем более, радостные, счастливые минуты они умели превращать в настоящий семейный праздник.

Когда всё было съедено, мама, обращаясь к Серёже, сказала:

– Вот теперь мы можем сказать совершенно точно: ужин удался на славу. Правда, сынок?

– Ужин, действительно, королевский, – поддержал её Серёжа.

– Пьём вот этот напиток за ваши кулинарные способности, – сказала Вера Никифоровна, поднимая бокал, – да пусть же живут и расцветают у вас эти великолепные таланты, а главное, чтобы к ним прибавилось ещё и желание. Ура! Ура!

Спасибо, папа, спасибо, Вова, – И Серёжа тоже опорожнил свой бокал.

– Пожалуйста. На здоровье, – папа и Вова выпили холодный квас.– Только мы не для того старались с Вовой, чтобы вы признали таланты и утвердили за нами пальму первенства в кулинарном деле. Мы хотели поскорее избавиться от этих худощавых цыплят, чтобы вы их не увидели в натуральном виде. А первенство и талант мы признаем за тобой, дорогая мама.

– Ты в этом деле недосягаема, – Серёжа попытался перебраться в мужской лагерь, – и ты нас угощала не менее вкусными обедами.

– Знала бы ты, мама, чего нам стоило приготовить этот обед, – наконец вступил в разговор Володя.

– Ну что ж, сегодня я вдвойне вам благодарна: и за ужин и за этот лавровый венок, которым вы меня пытаетесь наградить. Но, всё же я возьму себе на заметку, что при случае вы прекрасно можете обойтись и без меня.

– Нет, нет, мамуля, нам без тебя никак нельзя.

Из-за стола никто не выходил. Они так давно не собирались вместе, что расходиться не хотелось.

– Расскажи, Серёжа, как ты провел лето у бабушки, – попросил сына Вадим Петрович. – Чем ты занимался? Как бабушка?

– Бабушка так же, как и в прошлом году. Старенькая, но ещё бегаёт. Мне у неё хорошо жилось. А занимался я только отдыхом.

– Ты, как партизан, Серёжа, от тебя многого не добьёшься. То болтаешь без умолку, то отбиваешься короткими фразами, – сказал папа. – Загадочный человек.

– А ему рассказывать нечего: он ночью спал, а днем отдыхал. Ведь, когда спишь, очень устаешь, – смелее начал вести разговор Володя.

– Ну, если все в порядке, будем заканчивать этот пир, – предложила Вера Никифоровна.

Время было ещё не позднее и Серёжа с Вовой пошли вот двор. Тузик поддержал их компанию.

«Почему это Вовка так странно всё время смотрит на меня? Может быть, он догадывается? И на улице он предложил выйти, как только я об этом подумал. А может быть... он тоже...? Нет, это отпадает, ведь ни один человек не слышал меня – ни бабушка, ни Юрка. Я с ним столько времени проводил, а он даже не догадывался. Да и мама с папой ничего не заметили. А Вовка что-то почувствовал. Это надо проверить», – так думал Серёжа, когда он вслед за Володей спускался по лестнице вниз.

«Пойдем, покатаемся на качелях», – подумал Серёжа. Тузик бросился к качелям, а Вова сказал:

– Я тоже давно не катался на качелях. Пошли, Сергей, – и он пошел за Тузиком.

«Кажется, он меня понимает, – Серёжа остановился. – Пойдём, лучше через «козла» попрыгаем».

– А «козла» кто-то летом поломал, – ответил Вова.

«Ну, тогда догони меня, попробуй» – снова подумал Серёжа.

– А я в лагере участвовал в соревнованиях по бегу, так что я теперь тебя обгоню.

«Он слышит мои мысли... , сделаю еще одну проверку, – Серёжа подумал и тотчас же спохватился, – если он читает мои мысли, значит он узнает, что я специально хочу его проверить. А может быть, он это не улавливает, ведь эти слова обращены ко мне. А он слышит только то, что я думаю по отношению к нему, внушаю ему. Вова, пойдем домой, мне холодно», – Серёжа специально придумал такой неожиданный поворот, чтобы исключить всякие совпадения.

– А на улице тепло сейчас, погуляем немного, мы целую вечность были врозь, – Вова потянул Серёжу от дверей, куда тот направился с целью окончательной проверки.

«Да, он слышит меня. Но почему только он? Может быть, потому, что мы с ним братья-близнецы? Да, скорее всего это так. Ведь Иллиан говорил, что мысленное общение может быть только тогда, когда два мозга работают на одной частоте. У обыкновенных людей такого не бывает, а у близнецов? Я когда-то слышал, что близнецы могут разговаривать между собой на языке, понятном только им двоим. Но, раньше же у нас такого не замечалось. И почему он меня слышит, а я его нет? Наверно, всё дело в мозговом потенциале. Я, как говорил Иллиан, увеличил свой мозговой потенциал, значит, у меня стало сильнее мозговое поле. Вот почему он меня слышит, а я его нет. У него остался тот же потенциал, как и раньше, и я не улавливаю его мысли. Я не улавливаю также мысли Тузика, если они у него есть, а он меня понимает с полуслова, вернее с полумысли.

Вот это да! Значит, я могу теперь передавать Вовке свои мысли. Я буду подсказывать ему на уроках и никто, ни одна учительница не услышит этого».

– Пойдем, Серёга, кататься. Чего ты там застрял? – позвал его брат, который уже сидел на качелях.

«Может быть, я смогу понимать Вовку. Если он будет со мной общаться, значит, я «накачаю» его, увеличу его мозговой потенциал. У нас, наверно, одинаковые частоты мысленного излучения. Да, видно, это так. Я его скоро тоже услышу. Жаль, что у меня не такое мощное поле, как у Иллиана, а то бы я его за два вечера «накачал». Ну, Вовка, берегись. Я тебя...»

– Что ты там хочешь делать? Почему я должен беречься? Ты что-то бросаешь? – спросил Вова брата, услышав обращение к нему, но уже плохо его, видя, так как на улице стало темнеть.

«Вот ты, чёрт. Я совсем забыл, что надо осторожно думать. Теперь он всё будет слышать, что я про него думаю», – понял Серёжа свою оплошность и пошёл к Володе.

– Давай, я с тобой покатаюсь, – сказал Сергей брату нормальным человеческим голосом и сел на качели рядом с братом.

Качнувшись несколько раз, они пошли к бывшему «козлу», который стоял на трёх ногах, склонившись вперёд, словно хотел ударить лбом того, кто так безжалостно обошёлся с ним этим летом.

Тузик обнюхал его со всех сторон и, два раза твякнув, пошёл прочь.

– У тебя голова не болит? – решил узнать Сергей об ощущениях брата.

– Нет, не болит. Ты что, привёз мне от бабушки головную боль?

– Ничего я тебе не привёз. Вид у тебя бледный.

– Куда же мне по сравнению с тобой!

Они вернулись домой, когда мать постелила постель. По правилам, заведённым у них в семье, умывшись перед сном, братья легли спать.

Кровати их находились рядом. Уставшие за день, они вскоре погрузились в сон.

Глава 12

Через два дня Серёжа и Вова Умаровы, надев новенькие школьные «формы», отправились в школу. Сегодня у них первый день в шестом классе. Этот день так же, как, может быть, и последний, является одним из самых радостных дней учебного года. Сегодня не будут спрашивать домашние задания, сегодня состоится встреча с друзьями, вместе с которыми пройдено пять трудных и счастливых школьных лет. Многие из них не видели друг друга целых три месяца, а это в детском возрасте довольно большой отрезок времени.

Мама уходила на работу позже обычного. Ей надо проводить своих детей в школу – ведь сегодня для них праздник, и они должны это почувствовать. Когда братья взяли свои портфели и собирались выйти из дому, Тузик бросился в дверь и, жалобно глядя на них, просил взять его с собой.

– Тузик, Тузик, ты остаёшься дома, – сказал ему Серёжа, – тебе нельзя с нами в школу.

– Не скучай, жди нас, мы скоро вернемся, – успокаивал его Володя. – Ты должен быть дома и охранять квартиру. Мама тоже скоро уйдет на работу.

– У тебя ответственное задание – следить, чтобы никто без нас не входил в дом. Выполняй его.

Тузик понимал это, но его желание пойти с ребятами было сильнее всех понятий. Он продолжал заглядывать им в глаза, и Вова даже показалось, что у него появилась слезинка.

– Тузик, родной, посиди, пожалуйста, дома. Мы не можем взять тебя с собой, ты потеешь там, – Вова погладил собаку и прижался щекой к несчастной мордочке Тузика. Это немного успокоило его, и он, обиженный возвратился в комнату. Словно упрекая ребят в бессердечности, он в последний раз остановился, оглянулся на них и, запрыгнув на диван, положил мокрый нос на свои вытянутые передние лапки.

– Идите, детки, можете опоздать. А Тузику не привыкать оставаться одному. Он, как верный страж, будет охранять своё и наше жилище.

Вера Никифоровна помахала детям рукой и сама начала собираться на работу.

Тузик обычно легко расставался с Вовой и Серёжей, когда они уходили в школу. Но сегодня он эту разлуку перенёс тяжело. Его всегда оставляли в пустой квартире, и он мог спокойно ходить по комнатам, заглядывать на кухню. Ему разрешалось спать на любой из маленьких кроватей – на Вовиной или Сереежиной. Это как ему захочется. Обычно он спал на той и на другой поочередно. Часто, зайдя на кухню, он запрыгивал на стул и, положив передние лапы на подоконник, подолгу смотрел на дорогу, по которой должны были идти школьники. Братья издали замечали его, ускоряли свой шаг и с криком приближались к дому.

Школа встретила ребят запахом свежей краски и чистыми, большими окнами. Всюду висели праздничные плакаты и рисунки, поздравляющие детей с началом учебного года.

В первый день школьная жизнь начинается торжественной линейкой. Школьники младших классов, поставив портфели во дворе прямо на землю, бегали, сутились, словно не могли остановиться и утихомирить свою буйную энергию, не растраченную за лето.

Представители старших классов, приобретя некоторую солидность, собирались группами и относительно спокойно делились своими богатыми впечатлениями. Только нет-нет, да и произойдёт у них взрыв детской энергии и тогда, отбросив всякую солидность, они вносили мощную волну движения в общую перемещающуюся массу, бегая друг за другом, или задавая один другому хороших тумачков.

Только маленькие первоклашки, нарядные, с блестящими, чуть-чуть испуганными глазёнками, пришедшие со своими мамами и папами, спокойно стояли поодаль и ждали первого в своей жизни школьного звонка. Для них этот день особенно торжественный – они сегодня вступают на вторую ступеньку длинной жизненной лестницы, которая поведёт их всех вместе

до десятого класса, а потом разделится на множество направлений и каждый из них выберет тот путь, по которому должен шагнуть в будущую жизнь.

Серёжа и Вова встретили своих одноклассников, и у них уже шёл обыкновенный мальчишеский разговор. Они, хоть уже и не относились к младшеклассникам, но солидности ещё не приобрели. Каждый старался перекричать другого говорившего, и, в первую очередь, рассказать о своих незабываемых днях.

– Я с папой ездил в столицу, – говорил Толя, – за несколько дней мы столько всего там увидели, что...

– И в музей ходили? Картины видели? – перебил его Коля, мальчик невысокого роста с очень быстрыми, живыми глазами.

– Конечно, видели. Для чего же в музеи ходят? За бубликами что ли?

– Ты, может быть, и за бубликами, – отпарировал Серёжа, зная необыкновенную любовь Толи Иванова к бубликам.

– Сам ты бублик, – и Толя ударил Серёжу портфелем по мягкому месту. А тот не стерпел этого, и... началась первая схватка среди учеников шестого класса. Конечно, это была товарищеская встреча, но она привела в движение всех шестиклассников. Они расступились в круг и начали подбадривать противников. Каждый поддерживал одного из них и не только словами, но и физически, если представлялась возможность, подтолкнуть или подставить ножку.

– Давай, Толик, давай. Дави Умарова.

– Не поддавайся, Серёга. К стенке его прижимай.

Но борцы, видимо, понимая, что в первый день борьбу нельзя доводить до победы одного над другим, удовлетворились мирным исходом. Сегодня праздничный день и не должно быть побеждённых. Они, ещё один раз, для порядка толкнув друг друга, разошлись в разные стороны. Проба сил после летних каникул прошла успешно.

– А ты, Вова, почему не вступился за брата? – спросила самая шустрая в классе девочка Люба Сергеева, – ведь вы с ним не «разлей-вода».

– Зачем вступаться за сильнейшего? – польстил своему брату Вовка.

– Ой, девочки, а я ездила в Крым с папой и мамой, и там мне такое пришлось увидеть...

И девочки, замкнув свой девичий кружок, начали слушать что-то такое, о чём им рассказывала Надя Шувалова.

– Я тоже был в Крыму с братом, – обращаясь только к ребятам, начал рассказ Коля, – и, хоть ничего такого не видел, но время провёл отлично. Солнце, воздух и вода.

– Мы с Вовой были в лагере, – вступил в разговор Игорь, – время прошло не хуже, чем в Крыму. Правда, Вова?

– Конечно, правда, – подтвердил Володя Умаров, – далеко ездить не надо, когда в нашем лагере можно отлично провести каникулы. Жаль только, Сергея с нами не было.

– А Серёжа от бабушки не мог оторваться, – глядя на Сергея, продолжал Игорь. – Он так весело проводил с ней время, что ему не нужен был никакой лагерь.

– Это верно. У бабушки мне совсем не было скучно. А, кроме того, я заболел и в лагерь поехать не смог, – сказал Сергей и отошел в сторону, показывая тем, что разговор о нём должен быть окончен.

Сергею было интересно послушать о том, как его друзья проводили летние каникулы, но у него при этом с особой силой нахлынули воспоминания о пришельце, о его необыкновенном друге, так что ему ничего не хотелось рассказывать о себе. Он очень сожалел, что всё осталось позади и, возможно, никогда больше не повторится.

Тут директор объявил построение, и все ребята начали классами выстраиваться на школьном дворе.

Когда был установлен надлежащий порядок, директор поздравил учеников с началом учебного года, сказал, что все они на год стали старше и впереди у них сложная задача. Нужно

перестроиться с летнего отдыха на рабочий режим и сразу, без длительных раскачиваний, приступить к освоению нового материала.

Затем маленькой девочке с белыми бантами вложили в руку школьный звонок, и они вместе с солидным десятиклассником, у которого уже пробивались чёрные усы, обошли стоявших полукругом ребят, резво названия при этом.

Когда прозвучал первый школьный звонок, первоклассникам вручили цветы и учебный год начался.

Первым уроком в шестом классе была математика. Ребята с трудом переключали свои мысли на «учебную волну». Серёжа с Вовой сидели за одной партой возле окна. Их класс был на первом этаже и ребята с тоской поглядывали во двор, где только что закончилось торжество, но было ещё много народу. Родители, пришедшие с первоклассниками, переживали за своих потомков и не хотели расходиться по домам. Как они там? Что они делают? Может быть, им нужна родительская помощь?

Когда начался урок географии, во дворе было уже пусто. Вдруг, Серёжа увидел Тузика, который забежал на площадку, высунув язык. Он остановился у дверей школы, потом увидел ящик напротив окна, одним прыжком взмахнул на него и, глядя на Серёжу, спокойно улёгся у него на виду.

– Смотри, Вовка, Тузик пришёл, – толкнул Серёжа брата.

– Тузик!? – вырвалось у Володи, и он, смущённый своим выкриком, опустил голову.

– Умаров, что с тобой? – спросила учительница.

– Серёжа с Володей привели свою собаку в шестой класс. Она с нами будет учиться, – попытался сострить Коля, который знал собаку Умаровых и увидел её на ящике перед окном.

Класс грохнул от смеха. Все повставали со своих мест и потянулись к окнам, чтобы увидеть нового ученика.

– Ребята, потише. Сядьте на свои места, – успокаивала их учительница. – Умаровы, это ваша собака?

– Да, это наш Тузик, – ответил Серёжа.

– Так зачем же вы привели в школу вашего Тузика?

– Мы не приводили его. Он оставался дома, когда мы уходили.

– А как же он нашел вас? Вы оставили ему адрес и карту?

Ребята снова засмеялись.

– Он и без карты разыщет нас где угодно. Тузик у нас умный. Только не понятно, как он мог из дома выбраться, – Серёжа вопросительно посмотрел на брата, но и тот ничего не понимал и только пожимал плечами.

– Ну, если он у вас умный, тогда пусть изучает географию шестого класса. А после урока вы постарайтесь объяснить своему учёному другу Тузика, чтобы он также успешно разыскал свой дом и ждал вас там. Хорошо?

– Хорошо, – ответил Серёжа.

– А сейчас продолжим урок, – учительница географии сама любила животных и незатейливой шуткой постаралась разрядить ситуацию, которая создалась в классе в связи с появлением Тузика.

Ребята притихли, но головы их, то одного, то другого поочередно поворачивались к окну. Им было интересно посмотреть, как Тузик усваивает географию. А он, словно им на забаву, спокойно лежал на ящике, подняв вверх уши и, не мигая, смотрел в окно.

Братьям было уже не до географии. Они оба думали о том, как Тузик мог выйти из дома на улицу. Может быть, мама его выпустила, когда уходила на работу? Очень сомнительно. Никогда раньше его одного не выпускали. Или что-нибудь случилось, и он прибежал сюда, чтобы сообщить им об этом?

Серёжа сидел, как на иголках. Он не мог дождаться звонка, чтобы поскорее выскочить во двор. Вова сначала обрадовался приходу четвероногого друга, но тревога Сергея передалась и ему. Он тоже начал думать о том, что Тузик появился здесь неспроста.

И тут Серёжа вспомнил слова Иллиана, что Тузик теперь не та собака, которой была раньше.

Когда прозвенел звонок, Сергей и, следом за ним, Володя пулей выскочили из класса. Ребята бросились за ними.

Тузик спрыгнул на землю и побежал встречать братьев. Он чувствовал свою вину за самовольный уход из дома и, виляя хвостом, приблизился к Сергею. Он, как бы просил не наказывать его и оставить здесь в школьном дворе до конца уроков.

Серёжа потрепал его за шею и тихо спросил:

– Ну что случилось, Тузик? Как ты здесь оказался? Ты вышел через дверь? Через окно?

Но Тузик не хотел открывать ему секрет и, только, заглядывая Сергею в лицо, успокаивал его – всё, мол, в порядке.

Ребята обступили Сергея и Володю, и каждый хотел потрогать Тузика. Посыпались разные вопросы:

– А он не кусается?

– Что он умеет делать?

– На задних лапках он может стоять?

– А считать он умеет?

– Тузик такой ерундой не занимается, – отвечал Сергей сразу на все вопросы, – он может сделать всё, что я ему прикажу, но любит только трудные задания.

– Тузик, выполни серьёзное задание: сколько будет дважды два? – попросил Толя.

– Он никогда не слушается чужих, – встал на защиту Тузика Володя.

А Тузик продолжал смотреть на Сергея, как будто спрашивая у него, чего хотят эти ребята.

– Тузик, ты сейчас должен идти домой. У нас ещё два урока, потом мы с Вовой вернёмся. Жди нас там. Ты понял, Тузик? Иди домой, – Серёжа погладил Тузика и легонько подтолкнул его.

Тот понял задание Серёжи, но уходить ему не хотелось. Он поднялся и медленным шагом направился к выходу. Потом оглянулся, постоял и выскочил на улицу.

Ребята захлопали в ладоши и начали хвалить удалившегося пса.

– Вот это собака! Понимает приказания хозяина.

– Как вы научили его?

– Вы его сами учили или он ходил в собачью школу?

Серёжа, довольный произведённым эффектом, отвечал ребятам:

– Наш Тузик ни в какой школе не учился. Он просто от природы умный.

Когда прозвенел звонок, ребята бросились в класс и ещё долго не могли успокоиться.

На последних уроках братья с тревогой продолжали гадать, почему Тузик прибежал к ним в школу, и как он добрался до дому. Не заблудился ли? Не попал ли под машину?

Но беспокойства их были напрасными. После уроков, приближаясь к дому, они ещё издали увидели знакомую мордочку, выглядывавшую из окна. Тузик заметил их и, как показалось ребятам, в знак приветствия поднял правую лапу. Когда они зашли в квартиру, Тузик уже сидел возле дверей и встречал их негромким лаем.

– Тузик, открой дверь, – мысленно приказал Сергей. Он хотел убедиться в правильности своих догадок, что этот пёс сам открывает дверь, а также ещё раз в том, что Тузик понимает его мысленные приказания. К удивлению Володи, Тузик встал на задние лапы, и зубами оттянул задвижку замка. После того, как дверь медленно приоткрылась, Тузик сел возле неё, ожидая приказания.

«А как же он открыл дверь с обратной стороны? Или она оставалась открытой?» – подумал Серёжа и приказал:

– А теперь выйди и потом снова зайди, как сегодня ты уже делал.

И это приказанье Серёжа не произносил вслух. Видя, как Тузик направился к двери, Володя переводил взгляд то на Сергея, то, на Тузика, но понять ничего не мог.

А тот протиснулся через образовавшуюся щель и сел с наружной стороны перед дверью. Когда Сергей позвал Тузика, он не замедлил появиться перед братьями и, усевшись на коврик, посмотрел на Сергея, ожидая похвалу за проделанную работу.

– Серёжа, он так выходил из дому? – спросил брата Володя.

– Да, вот так выходил. Тузик, запомни: больше этого не делай никогда. Ты будешь гулять только в то время, когда мы дома. Или, если уж очень тебе захочется дышать свежим воздухом, то мы тебя можем оставить на балконе, – эти слова Серёжа произнес вслух, так как хотел, чтобы обращение к Тузику слышал и Володя.

– Но он же с балкона может выпрыгнуть, ведь здесь не высоко, – возразил Володя.

– Ну что ж, Тузику можно доверять, он не потеряется.

Пёс с благодарностью принял слова Сергея и нежно ласкался у его ног.

Глава 13

Прошла неделя упорного, напряжённого труда. Анастас не знал отдыха ни днем, ни ночью. Очень часто он просиживал за чертежами до самого утра и, поспав два-три часа, снова спешил на работу. Мозг его трудился без напряжения, но в полную силу. Несмотря на то, что физически он устал, мысли его были ясными и последовательными, и всё, что он задумывал, без долгих поисков находило единственное и правильное решение.

Одинцов знал от начала до конца, как должен быть построен аппарат. У него в голове чётко вырисовывалась, не только функциональная, но и принципиальная схемы устройства, а также конструктивное его исполнение. Цель и суть его были определены во время встреч с Иллианием и заключались в следующем.

Человеческий мозг – сложнейшее творение природы, и одной из его функций является мышление. Это, в свою очередь, – продукт преобразования мозговой энергии, которая носит волновой характер, а сама мысль связана с излучением мыслительной энергии. В окружающее пространство она поступает в таком ничтожно малом количестве, что не может быть воспринята не только другим человеком, но и чувствительными приборами. Каждый мозг обладает индивидуальностью и излучаемая им энергия носит присущие только ему черты.

Однако, природа наделила человека не только индивидуальностью мозга, но и весьма широкой его пластичностью, приспособляемостью. Воздействуя на мозг внешним полем с большим энергетическим потенциалом, можно изменить свойства самого мозга и параметры излучаемой им энергии. Примером тому явился мозг Одинцова, побывавший в сильном мыслительном поле генианцев.

Но ведь для этой цели можно использовать и искусственное энергетическое поле, которое создаётся путем усиления поля какого-либо мозга с помощью специального устройства. В технике уже давно используются подобные устройства для усиления, изменения электрических, магнитных и других полей. Почему бы не проделать такое же и в области энергии поля человеческого мозга. Нужен усилитель, преобразователь, излучатель. Вот основа того, над чем начал работать Одинцов.

На такой путь натолкнул его Иллианий и он же в общих чертах подсказал Анастасу способ создания этого устройства.

Одинцов не новичок в этом деле и прекрасно представлял, что самым сложным элементов в будущем аппарате – «мыслетроне» будет приёмное устройство. Слабое поле мыслительной энергии не поддается приёму обычными, известными в технике способами, поэтому такое устройство должно обладать сверхчувствительностью, сверхизбирательностью и другими сверхсвойствами. Но самое главное отличие состоит в том, что мыслительное поле по своей природе отличается от других известных полей, а значит и принцип действия приёмника должен быть отличным от известных принципов.

Иллианий сумел чётко указать направление, а путь конкретного исполнения Одинцов определил сам. Установив антенну приёмника вблизи излучателя – в зоне распространения мозгового поля – можно улавливать слабые сигналы мозга, принимать человеческую мысль. И чем слабее человеческое поле, тем ближе должна быть антенна. Весь секрет состоит в структуре антенны и ее особенности сочленения с приёмником. Если удастся правильно подобрать биологические и физические компоненты, на которые указал Иллианий, тогда можно будет сказать, что половина дела выполнена. Остаётся поместить эту совокупность в 32-процентный раствор поваренной соли, произвести регулировку чувствительности применительно к земному магнитному полю и настроиться на частоту излучения собственного мозга. Вся остальная часть схемы аналогична известным устройствам: усилитель, преобразователь, излучатель.

И ещё одно условие, которое заставляло Анастаса спешить с работой – это изготовление ёмкостных элементов. Их нужно сделать, отрегулировать и настроить до того времени, пока сильное мозговое поле Анастаса не ослабело. А такое ослабление, как сказал Иллианий, неизбежно до некоторого предела. И, хотя установившаяся после этого величина мозгового поля будет неизмеримо больше величины мозгового поля обыкновенного человека, все же её будет недостаточно для изготовления и запуска аппарата.

Какова же конечная цель? Для чего всё это нужно Одинцову? Уж не очередное ли это его заумное упражнение? Нет, генианцы бесполезными вещами не занимаются и, тем более, не высказывают бредовых идей.

Имея аппарат для воздействия на мозг человека, можно определить круг людей, занимающихся научной деятельностью или хозяйственными работами, связанными с большими затратами умственного труда, и таким образом сформировать их мозговой потенциал а также направить его действие по такому руслу, что без ущерба для здоровья можно получать многократное увеличение производительности умственного труда. А, кроме того, – и Анастас задумывался над этим – почему бы не попытаться использовать аппарат и в более глобальных масштабах. Идёт жестокая борьба за мир, за ликвидацию всех возможных очагов войны. И в этой борьбе участвуют люди с их мозгами, правильными или «перевернутыми», как говорил Одинцов. Так почему бы не принять участие в этой борьбе? Цель благородная и стоит того, чтобы ради неё не пожалеть сил и труда.

Многие проблемы были обсуждены Одинцовым с генианцами, и ещё больше вопросов и решений придумывал Анастас после встреч с ними. Аппарат нужен. Это бесспорно. А как его применять – это тоже вопрос и над ним надо работать не менее серьёзно, чем над разработкой и изготовлением самого устройства.

Сегодняшняя ночь у Одинцова была особенно плодотворной. Он закончил изготовление первого блока, который настроен на частоту его, Одинцова, мозгового поля и должен принимать мыслительную энергию, излучаемую его мозгом. По своим габаритным размерам этот блокочек чуть-чуть превышал размеры спичечной коробки, но функцию в будущем аппарате должен выполнять значительную.

Отдохнув два с половиной часа, Анастас поднялся и, наскоро перекусив, вышел из дома. Настроение у него было хорошее. Насвистывая негромко, как всегда, мелодию какой-то неаполитанской песенки, он, пешком направился на работу. Свернув за угол своего дома, Одинцов встретил человека, медленно идущего ему навстречу. Тот, поравнявшись с Одинцовым, быстро повернул голову в сторону и ускорил свой шаг. Скользя взглядом по его фигуре, Одинцов отметил, что этого человека он уже где-то встречал.

Анастас перестал насвистывать песенку и начал мучительно вспоминать, где и когда он его видел? Он не пытался установить личность удалившегося человека – ему было просто интересно проверить надёжность своей памяти. Где? Когда? При каких обстоятельствах они встречались? Одинцов пытался восстановить свою жизнь в хронологическом порядке. В его памяти всплывали сотни людей, хорошо и плохо знакомых, часто встречающихся и увиденных однажды. Но этого человека среди них не было. Не идеален ещё мозг Одинцова, и после всех изменений его в поле Иллиания он имеет какие-то недостатки, провалы.

Так и не вспомнив, Одинцов появился на своём рабочем месте. Он сразу окунулся в деловую атмосферу и, напроць, забыл одолевавшую его по дороге мысль.

Человек, которого увидел Одинцов, действительно встречался с ним однажды и в дальнейшей его судьбе сыграет немаловажную роль.

Это был тот самый невысокий, коренастый человек в серой кепке, который встретился Одинцову вблизи лесной поляны. Звали его Николай Лютый. Не известно родился ли его предок в феврале месяце, который по-украински называется «лютый», или он отличался своим злым, лютым характером. Можно только предположить, что вторая гипотеза наиболее соот-

ветствует истине, ибо сам Николай отличался буйным нравом, жестокостью и ненавистью ко всему живому. Первыми жертвами его антигуманной или даже преступной деятельности были беззащитные животные. Он ловил бездомных кошек, связывал им попарно передние или задние ноги и выпускал перед первой попавшейся собакой. Не имея возможности убежать, кошки погибали или оставались изуродованными. Николай наблюдал такие неприглядные сцены, сопровождал их злобными криками и получал при этом громадное наслаждение. Если собака по каким-либо причинам, не смогла или не захотела выполнить волю экзекутора, то она сама становилась жертвой его жестокости. И, так как Лютый был к тому же не глупым и хитрым, то он каждый раз придумывал новые формы издевательства, которые приносили животным огромные муки, а ему наслаждение.

С самого детства не завязывалась у Коли дружба с мальчишками. Он пытался играть с ними, но в коллективных играх дети почему-то всегда были настроены против него. Им было по пять – семь лет и они не понимали причины отчужденности, но инстинктивно чувствовали в нём какую-то затаенность и обиженность. А детям нужна полная искренность, взаимное раскрытие душ.

Однажды весной, когда Коле было только шесть с половиной лет, группа ребятшек собралась на пустыре, где уже появились первые проталины. Тёплое солнышко и редкие подсохшие на бугорках кусочки земли доставляли ребятам большую радость. Они копали канавки для ручьёв, делали запруды и пускали целые караваны корабликов. Коле захотелось направить ручей в свою сторону, и он прокопал лунку к общему «водохранилищу». Кораблики ребят сели на мель. Мальчишки бросились спасать их, начали закапывать лунку, но Коля сопротивлялся, мешал им. Коллектив победил Николая, но он после этого надулся, со злостью смотрел на мальчишек и не принимал участия в играх.

Ребята быстро забывают ссоры и через пять минут они уже не вспоминали о происшедшем столкновении. А спустя еще некоторое время, они забыли и о самом Николае. А тот куда-то исчез и в компании больше не появлялся.

Только когда Витёк собрался идти домой, он долго сопел и ходил от проталины к проталине.

– Миш, а Миш, где мы оставили пальто? – обратился он к раскрасневшемуся на ветру и солнце, перепачканному с ног до головы Мишке.

– Да вон на том бугорке, – махнул рукой Миша.

– Там нет, я уже ходил, – чуть не плача, промямлил пятилетний Витя.

– Не-е-ет, не-е-ет, – передразнил его Миша, который был на два года старше, – глаза тебе позастилало, что ль?

И он пошёл к проталине, на которой мальчишки оставили сброшенную по случаю тёплой погоды зимнюю одежду.

–И правда нет. А куда ж оно всё девалось? – обратился Миша к ребятам.

Мальчишки подбежали, увидели пустую поляну, начали спорить и выяснять, куда исчезла одежда?

Так и не найдя свои зимние пальто, ребята ушли домой, где и получили от родителей соответствующие «внушения».

Только летом, когда уже и воспоминаний о снеге не осталось, а земля была сухой и тёплой, маленький Вася, гуляя с братом, обнаружил в яме под камнем кучу тряпья. Он начал вытаскивать оттуда грязные свертки и показывать брату.

– Да это же наши пропавшие зимой вещи, – воскликнул брат, – как они сюда попали?

Когда дети рассказали родителям, то прежние догадки о причастности Коли Лютого к пропаже вещей превратились в уверенность. Никаких конкретных воспитательных мер к Николаю применено не было, но чувства «нелюбви» к нему усилились.

В первый класс Коля пришел с большой охотой. Он ещё мечтал найти там друга, у него была зависть, тяга к обществу. В какой-то степени Коля надеялся компенсировать в школе неустроенность в семейной жизни. Самое нежное слово, которое он когда-либо слышал от отца, было «Колюха». Обычно же отец называл его оболтусом, дармоедом и не раз избивал так, что приходилось подолгу отлёживаться дома. Мать Коли тоже «получала» физическое воспитание от мужа не реже двух раз в месяц, когда были запои. Остальные дни уходили на взаимные упреки да примиренья.

И придя в школу, Коля Лютый надеялся найти там пониманье и доброту. И он не ошибся. Он был равным со всеми. А через три месяца отец пришел домой пьяным, порвал все тетради и учебники сына. После этого Коля возненавидел отца и боялся ходить в школу. Он боялся, что его будут ругать за учебники, и не хотел, чтобы там знали, какой у него отец. Ещё через две недели отец напился до потери сознания и умер от сильного отравления алкоголем.

Мать плакала над гробом и по-своему жалела мужа. А Коля всё смотрел на неё и не мог понять, что пришло к ним в дом – горе или счастье? Он жалел её прожитую с отцом жизнь и ещё больше страшился будущего её одиночества. Коля сердцем понимал, что мать привыкла к сумасбродному отцу, к постоянной тревоге возле него и что она не способна к жизни по-другому. Маленькое Колино, ещё не совсем очерствевшее, сердце сжималось при виде беззвучно плакавшей возле гроба матери, и необъяснимая злоба на отца то закипала в нем, то сменялась жалостью и растерянностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.